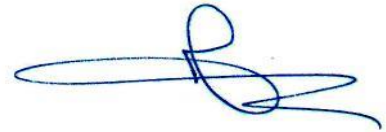

На правах рукописи

Козаев Нодар Шотаевич

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ
ПРОГРЕССОМ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Краснодар – 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный консультант – доктор юридических наук, профессор
Наумов Анатолий Валентинович

Официальные оппоненты: **Голик Юрий Владимирович**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Елецкого государственного
университета им. И.А. Бунина;

Понятовская Татьяна Григорьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА);

Блинов Александр Георгиевич,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

Ведущая организация – Северо-Кавказский федеральный университет

Защита состоится 2 февраля 2017 г. в 13-30 часов на заседании диссертационного совета Д 203.017.02 при Краснодарском университете МВД России по адресу: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, корпус «А4», конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарского университета МВД России.

Полный текст диссертации, автореферат диссертации и отзыв научного консультанта размещены на официальном сайте Краснодарского университета МВД России по адресу: кргу.мвд.рф

Автореферат разослан «_____» ноября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Грибанов Евгений Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется необходимостью изучения современных проблем, обусловленных научно-техническим прогрессом (НТП), сопровождающих и во многом определяющих генезис уголовного права.

В Резолюции 3384 (XXX), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 ноября 1975 года, отмечено, что НТП стал одним из важнейших факторов развития человеческого общества, создающих широкие возможности для улучшения условий жизни людей и народов. В настоящее время практическое использование совокупности естественнонаучных, гуманитарных и научно-технических знаний все в большей степени становится источником обеспечения жизнедеятельности общества, его духовного и физического здоровья¹. Однако такая тенденция ставит перед мировым сообществом перспективную комплексную задачу обеспечения защищенности личности и общества от воздействия неблагоприятных природных и антропогенных факторов. В свете глобальных проблем практически во всех стратегических документах² обращается внимание на приоритетность исследований, имеющих значимость для устойчивого и безопасного развития мирового сообщества. На это направлены и объединенные усилия ученых разных стран.

Уровень достижений науки и техники актуализируют сознание и деятельность человека в рамках отдельной общественно-правовой и культурной формации, возрастают и потребности людей, что обуславливает постоянное поступательное развитие и качественное обновление общественных отношений, порождающие необходимость их правовой защиты от общественно опасных посягательств. Уголовное право в связи с этим выполняет задачи охраны как публичных, так и частных интересов и не только включается в действие при непосредственном совершении преступлений, но и имеет профилактический эффект. При этом важным условием эффективной уголовно-правовой политики является углубление научных знаний и представлений о сущности и направлениях НТП, закономерной связи достижений и технологий НТП с данной правовой отраслью.

Особого внимания в рамках данного исследования требует рассмотрение четырех групп достижений НТП: производственных, социальных, информационных и витальных (совокупность способов, приемов и методов, направленных на сохранение жизни, восстано-

¹ См.: Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 884 (ред. от 23.02.2006) «О доктрине развития российской науки» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 3005.

² См., например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года; Стратегия развития информационного общества в РФ; Концепция уголовно-правовой политики России; Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года и др.

ление и укрепление здоровья, обеспечение репродуктивной функции) технологий, представляющих собой перспективные направления развития науки и техники, в то же время влекущих ряд серьезных проблем, решение которых может быть обеспечено и уголовно-правовыми средствами.

Актуальность исследования закономерностей влияния современных технологий на уголовное право определяется также эффектом запаздывания правовой реакции на меняющиеся общественные отношения. Это диктует необходимость устранения правовых лакун, оперативного решения вопросов криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, а также дифференциации ответственности, что невозможно сделать без комплексного анализа явлений, связанных с НТП, требующих пристального внимания с точки зрения уголовно-правового запрета.

Роль уголовного права в современных условиях, несомненно, повышается, поскольку оно способно не только реагировать на фактически совершенные преступления, но и удерживать людей от противоправного поведения, а в ряде случаев и стимулировать их к максимально эффективному и правомерному применению имеющихся ресурсов.

Различного рода инновации формируют новые вызовы обществу. Появляются преступления, совершение которых стало возможным лишь благодаря достижениям НТП. С учетом этого мы можем говорить о преступности, которая существовала и ранее, но с использованием достижений НТП вышла на новый качественный уровень, и о преступности, порождаемой им. Это не однопорядковые явления, но в обоих случаях преступность эксплуатирует в своих целях достижения научно-технической мысли.

В связи с этим от уголовной политики требуется выявлять слабые звенья в системе защиты и выстраивать новые механизмы воздействия на негативные факторы. Вместе с тем, сегодня многие современные технологии недооцениваются с точки зрения реальных и потенциальных рисков, а законодатель занимает выжидательную позицию, поэтому развитие и модернизация уголовного права выступают как объективная необходимость. Одно, по нашему мнению, должно оставаться неизменным – постановка в центре внимания благополучия человека как биологического и социального существа. Все остальные проблемы являются второстепенными и производными, хотя их решение находится в неразрывной диалектической связи с основной задачей.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на очевидную актуальность комплексного изучения достижений НТП в контексте уголовно-правовых проблем, ранее в специальной литературе освещались лишь отдельные аспекты данной сферы научного знания.

Заметное внимание к вопросам, затрагивающим философскую и экономическую сущность и эффективность НТП, отмечается в 70–80-х гг. прошлого столетия. Это было связано с необходимостью изучения процесса автоматизации, набравшего интенсивный ход после Второй мировой войны в 50–60-х гг. Примерно в это же время проявляется научный интерес и к проблемам уголовного права, обусловленным достижениями науки и техники. Среди работ данного периода отметим труды А.Б. Венгерова, М.С. Гринберга, И.Ф. Казьмина, П.С. Ромашкина, А.А. Тер-Акопова, М.Д. Шаргородского, К. Ясперса. Среди более поздних публикаций по философии техники и смежным проблемам наибольший интерес вызвали работы Н.М. Аль-Ани, А.В. Апполонова, З. Баумана, У. Бека, Д. Белл, В.В. Васильева, В.О. Голубинцева, А.А. Данцева, В.С. Любченко, Д.В. Ефременко, В.П. Малахова, С.А. Угарова.

С течением времени ученых все больше волнуют проблемы морально-этической оценки порождений НТП в их взаимосвязи с правовыми явлениями. Подтверждение этому мы находим в работах Э. Агацци, Н.Е. Крыловой, Э.А. Маркарьяна, В.В. Похмелкина, В.Д. Сорокина, Э. Тофлера.

В последнее десятилетие научный интерес к проблемам, обусловленным НТП, значительно возрос, поскольку они стали заявлять о себе более ярко и непредсказуемо. В особенности это касается витальных технологий.

Проблемам уголовной политики противодействия преступности как в целом, так и применительно к отдельным вопросам, входящим в предмет данного исследования, посвящены труды А.И. Александрова, А.И. Алексеева, М.М. Бабаева, С.В. Бородина, С.С. Босхолова, А.И. Васильева, Н.В. Генрих, Ю.В. Голика, П.С. Дагеля, Н.Д. Дурманова, В.К. Дуюнова, Г.А. Есакова, А.Э. Жалинского, Н.И. Загородникова, И.Э. Звечаровского, С.В. Иванова, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Г. Кибальника, С.Г. Келиной, В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Г.Л. Кригер, Р.Х. Кубова, Н.В. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, А.С. Михлина, А.В. Наумова, В.А. Нерсесяна, В.С. Овчинского, В.А. Пимонова, А.А. Пионтковского, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, Т.Г. Понятовской, Б.Т. Разгильдиева, А.И. Рарога, А.Ю. Солонина, И.Л. Третьякова, В.С. Устинова и др.

Вопросы управления социальными процессами, в том числе и уголовно-правовыми средствами, рассматривали В.Г. Афанасьев, Е.М. Бабосов, А.Г. Гладышев, В.С. Дудченко, Ю.С. Жариков, А.К. Зайцев, В.Н. Иванов, Н.М. Кропачев, В.В. Лунеев, В.Н. Макаревич, В.И. Патрушев, В.С. Прохоров, А.В. Симоненко, О.С. Соколова, А.Н. Тарбагаев, Б.В. Яцеленко и др.

Правовые проблемы, возникающие в информационной сфере, стали предметом исследования Н.Ф. Ахраменки, Ю.М. Батурина, И.Л. Бачило, В.А. Бессонова, А.В. Варданяна, А.М. Доронина,

В.Н. Лопатина, М.Ш. Махтаева, Е.В. Никитиной, А.Л. Осипенко, Е.И. Панфиловой, А.С. Попова, М.А. Федотова, И.М. Рассолова, В.Г. Степанова-Егиянца, А.Ю. Чупрова, Д.А. Ястребова и др.

Проблемы экстремизма, неправомерного использования СМИ и средств телекоммуникации, а также иные вопросы, связанные с социальными технологиями, разрабатывали В.П. Алехин, Н.Б. Бааль, С.В. Борисов, Л.А. Букалерева, О.С. Гузеева, А.В. Жеребченко, М.В. Кроз, С.С. Медведев, А.В. Павлинов, А.Р. Ратинов, Н.А. Ратинова, Ю.А. Тимофеев и др.

Вопросы уголовно-правовой охраны жизни и иных витальных благ получили развитие в трудах таких ученых, как Т.Т. Алиев, С.В. Бахин, Ф.Ю. Бердичевский, А.Г. Блинов, Г.Н. Борзенков, В.А. Глушков, А.А. Жижиленко, О.С. Ивченко, О.С. Капинус, А.С. Концевенко, Н.Е. Крылова, Л.А. Майданик, И.Ф. Огарков, А.Н. Попов, В.А. Рыбин, Н.Ю. Сергеева, Е.В. Тарасьянц, Р.Д. Шарпов и др.

Проблемы уголовной ответственности за неправомерное использование производственных технологий нашли отражение в работах В.В. Астанина, Ю.В. Баулина, Г.И. Вольфмана, Е.Ю. Гаевской, О.Л. Дубовик, Э.Н. Жевлакова, А.Л. Ивановой, В.Т. Калининченко, В.В. Круглова, С.В. Трофимова, И.М. Тяжковой и др.

Как видно, в теории и науке существуют работы по различным отраслевым аспектам НТП, однако в уголовном праве отсутствуют комплексные научные исследования, в которых отраслевые проблемы рассматривались бы в контексте взаимосвязи производственных, социальных, информационных и витальных технологий, определяющих НТП.

Объектом диссертационного исследования определены общественные отношения в сфере противодействия уголовно-правовыми средствами преступности, связанной с использованием достижений НТП, закономерности взаимного влияния современных технологий и уголовного права.

Предмет исследования включает в себя:

международные правовые акты;

нормы отечественного и зарубежного уголовного, административного, гражданского, природоохранного законодательства, регулирующие и охраняющие общественные отношения в сфере применения современных социальных, производственных, информационных и витальных технологий;

материалы судебно-следственной практики;

отечественную и зарубежную правовую доктрины в области уголовной политики;

результаты нормотворчества по проблемам неправомерного использования современных технологий;

аналитические и статистические материалы по теме исследования.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является анализ обусловленности современных проблем уголовного права достижениями НТП; комплексная разработка теоретических и прикладных основ противодействия уголовно-правовыми средствами преступности, вызванной интенсификацией НТП, использующей его достижения, а также порождаемой им; научное обоснование и разработка рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства РФ и отечественной следственно-судебной практики на базе учета выявленных проблем, связанных с внедрением достижений НТП.

Поставленная цель диссертационного исследования предопределила постановку и решение следующих **задач**:

раскрыть сущность современных производственных, социальных, информационных, витальных технологий во взаимосвязи с их социально-правовой оценкой, определить их функции;

исследовать содержание влияния современных технологий на генезис уголовного права;

ретроспективно проанализировать развитие отечественного уголовного права под влиянием результатов НТП;

охарактеризовать функциональность уголовного права РФ в условиях НТП;

проанализировать основные подходы к обеспечению безопасности в международном праве в связи с интенсификацией НТП, в том числе с позиции имплементации соответствующих норм в российское уголовное законодательство;

проанализировать российское и зарубежное законодательство, а также правоприменительную практику в части регламентации и применения уголовной ответственности за неправомерное использование витальных, производственных, социальных и информационных технологий;

раскрыть роль и приоритетные направления уголовно-правовой политики в условиях НТП;

охарактеризовать понятие и содержание противодействия преступности, связанной со злоупотреблениями достижениями НТП;

проанализировать качество правовой регламентации и практики применения технологий уголовного наказания, а также иных отдельных форм и средств противодействия преступности, использующей современные технологии;

выявить пробелы уголовного закона и проблемы его применения при осуществлении противодействия преступности, использующей достижения НТП, обосновать и разработать предложения по их устранению на концептуальном и конкретном законодательно-техническом уровнях.

Методология и методика исследования. Общую методологическую основу составил диалектический метод, предполагающий комплексность подходов к объектам изучения; исследование взаимо-

связи элементов в их совокупности; поиск причинно-следственных связей между явлениями и их изучение в непрерывном развитии. Кроме того, решение поставленных задач достигалось использованием методики институционального, структурно-функционального, деятельностного, формально-юридического, формально-логического, сравнительно-правового, статистического и других выработанных наукой и апробированных практикой общих и специальных научных подходов и методов.

Теоретическая основа исследования. Комплексный характер разработки выбранной темы диссертационного исследования обусловил необходимость привлечения широкого круга источников из разных областей научного знания. На основании вышеизложенного в основу единой концепции работы были положены труды по философии права, общей теории права, юридической социологии, криминологии, этике, юридической психологии, уголовному, административному, гражданскому праву. Особое значение в формировании мировоззренческой и правовой позиции автора по дискутируемым вопросам сыграли труды Э. Агацци, А.И. Алексеева, С.С. Босколова, М.С. Гринберга, В.К. Дуюнова, Г.А. Есакова, Д.В. Ефременко, А.Э. Жалинского, В.А. Нерсеяна, В.С. Овчинского, Э.Ф. Побегайло, Т.Г. Понятовской, А.И. Рарога, Э. Тофлера, М.Д. Шаргородского.

Нормативную основу диссертационного исследования составили: Конституция Российской Федерации; международные правовые акты, регламентирующие вопросы обеспечения безопасности перед лицом глобальных проблем, в том числе нормативные документы государств – участников Содружества Независимых Государств; Уголовный кодекс Российской Федерации; Гражданский кодекс Российской Федерации; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; законы федерального уровня, отражающие основные положения уголовной политики и лежащие в основе системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; законы и подзаконные нормативные акты (указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, акты министерств и ведомств), охраняющие отдельные сферы общественных отношений от злоупотреблений достижениями НТП; уголовное законодательство зарубежных государств (Австрии, Австралии, Азербайджанской Республики, Аргентины, Бельгии, Грузии, Дании, Ирана, Испании, Кыргызской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Корея, Республики Молдова, Республики Польша, Республики Сан-Марино, Республики Узбекистан, Судана, Турции, Украины, Федеративной Республики Германии, Франции, Швейцарии, Швеции, Эстонской Республики, Японии).

Эмпирическую базу исследования составили:

статистические данные Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства здравоохранения Российской Федерации за 2005–2015 гг.;

материалы 624 архивных уголовных дел, судебных решений, опубликованных в периодических изданиях, размещенных на интернет-сайтах судов и в государственной автоматизированной системе «Правосудие» (представлена судебная практика Республики Северная Осетия–Алания, Краснодарского, Ставропольского, Пермского и Хабаровского краев, г. Москвы, Московской области, Свердловской, Томской и Новгородской областей, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра);

информационные ресурсы и решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации;

результаты социологического опроса (анкетирования) 823 респондентов из различных социальных групп, жителей Республики Северная Осетия–Алания, Кабардино-Балкарской Республики, Ставропольского и Краснодарского краев, г. Москвы, Московской, Волгоградской, Калининградской и Челябинской областей (82 сотрудника правоохранительных органов, судей; 59 работников сферы обслуживания, торговли; 173 медицинских работника; 173 представителя сферы образования; 74 представителя рабочих профессий; 23 – неработающие; 91 – иное (учащиеся вузов и средних специальных учебных заведений);

результаты экспертного опроса (анкетирования) по основным проблемам исследования (280 респондентов, являющихся представителями судейского корпуса, аппаратов судов, прокуратуры, адвокатуры, органов предварительного расследования, контрольно-ревизионных органов, преподавателей и студентов выпускных курсов юридических факультетов (кафедр);

статистические данные и результаты их аналитической обработки, полученные «Левада-центром», Фондом «Общественное мнение», Общероссийской общественной организацией «Лига защитников пациентов»;

аналитические материалы, опубликованные в средствах массовой информации и сети «Интернет».

Сбор и обработка эмпирических данных, положенных в основу исследования, осуществлялись в течение 10 лет (2005–2015 гг.).

В рамках проведенного исследования изучено более 800 информационных источников, среди которых – международные акты, нормативные правовые акты России и зарубежных стран, официальные документы, проекты законов в сфере борьбы с преступностью, научные и учебно-методические работы, справочная и энциклопедическая литература, интернет-ресурсы.

Научная новизна диссертации заключается в том, что данный научный труд является первым в Российской Федерации комплексным монографическим исследованием теоретических и прикладных аспектов современных проблем уголовного права, обусловленных развитием четырех групп достижений НТП: производственных, социальных, информационных и витальных технологий.

Научная новизна исследования определяется его объектом и характером поставленных задач, выражается в сформулированных в результате проведенного исследования выводах и предложениях по совершенствованию действующего законодательства, в развитии уголовно-правовой доктрины в части установления закономерностей развития уголовного права под влиянием факторов НТП, оценки функциональности данной правовой отрасли в современных условиях и выработки эффективных средств противодействия негативным явлениям, связанным с НТП.

В работе получили освещение: а) сущность и основные направления социально-правовой оценки результатов НТП; б) взаимосвязь уголовного права и достижений НТП; в) эволюция уголовного законодательства на различных этапах НТП; г) вопросы функциональности уголовного права в условиях НТП; д) роль современного уголовного права России как инструмента регулирования, охраны и части управленческих моделей в сфере реализации достижений НТП; е) уголовно-правовые проблемы, порождаемые развитием социальных, производственных, информационных и витальных технологий; ж) основные подходы к вопросам безопасного применения современных технологий в международном праве в их проекции на уголовное право России, проблемы имплементации некоторых положений международно-правовых договоров РФ; з) вопросы противодействия преступности, использующей достижения НТП; и) проблема «правового запаздывания» и иные проблемы законодательно-технического характера при установлении уголовных запретов при злоупотреблениях современными технологиями и пути их решения.

В целом в ходе исследования разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области противодействия уголовно-правовыми средствами преступности, обусловленной НТП.

Научную новизну исследования подтверждают следующие **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Сформулированы предложения и выводы теоретического характера, представляющие собой авторское видение направлений развития уголовно-правовой доктрины в сфере исследования негативных социальных явлений, обусловленных НТП.

1.1. Установлено, что НТП и состояние уголовного права на современном этапе во многом определяются четырьмя группами технологий: производственными, социальными, информационными и витальными.

Они находят отражение в уголовной политике путем: установления уголовно-правового запрета в целях минимизации или недопущения отрицательных последствий их применения; определения некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые могут быть связаны с научно-исследовательской деятельностью и управлением техническими системами; косвенного указания на некоторые из них (например, социальные) как на средство достижения целей привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и профилактики преступлений; прогнозирования будущего состояния уголовного законодательства и вопросов противодействия преступности в условиях НТП.

1.2. Выявлено, что противозаконная реализация достижений НТП является одним из факторов модернизации уголовного закона. При этом каждому этапу исторического развития соответствует новый виток развития законодательства. Следовательно, рассмотрение этапов эволюции науки и техники необходимо для уяснения закономерностей развития уголовного права.

1.3. Предложена методика определения функциональности уголовного права РФ в условиях НТП, представляющая собой совокупность методов, приемов, способов выявления возможностей уголовного права влиять на социальные процессы, связанные с внедрением достижений науки и техники, а также оценки потенциала уголовной политики в направлении предотвращения или снижения отрицательных эффектов НТП. Она должна быть основана на учете свойств как изменчивости, так и прогнозируемости симбиотического взаимодействия инновационных технологий и социальных процессов, а также на признании базовой ценности витальных благ человечества.

1.4. Установлено, что в международном праве в связи с глобальными проблемами, обусловленными НТП, отмечается постепенный переход от декларирования общих призывов решать насущные задачи к установлению конкретных механизмов взаимодействия. Имплементация соответствующих норм в российское законодательство является неполной по ряду политических, экономических и иных причин. Вместе с тем, некоторые положения представляют интерес для отечественной уголовно-правовой доктрины и в случае их надлежащей разработки могут быть использованы при модернизации российского уголовного закона (требования о введении ответственности юридических лиц, вопросы обеспечения упрощенного информационного обмена при противодействии преступлениям, связанным с электронной информацией, вопросы клонирования человека и др.).

1.5. При регламентации в зарубежном законодательстве вопросов уголовно-правового обеспечения информационной безопасности выявлен ряд общих черт. Так, анализ производственных технологий, нашедших отражение в зарубежном законодательстве, высветил некие общие тенденции: признание эксплуатационных рисков основанием для установления уголовно-правовых запретов; признание

концепции неосторожного сопричинения вреда и уголовной ответственности юридических лиц; установление административной преюдиции в случае с экологическими преступлениями. Изучение потенциала зарубежного уголовного законодательства при злоупотреблениях социальными технологиями позволило выявить единство подходов к уголовно-правовой оценке экстремизма и терроризма, совершенных с использованием информационных технологий; наличие национальных норм, направленных на обеспечение мировой безопасности, повышение степени доверия к государству и его институтам, обеспечение нравственного здоровья населения при распространении информации через СМИ и средства телекоммуникации. В сфере реализации витальных технологий отмечается отставание правовой реакции от инновационных процессов; разноречивой в вопросах правовой оценки эвтаназии, суррогатного материнства, клонирования человека, медико-биологических экспериментов и т. д. даже в рамках одной правовой семьи.

1.6. Аргументировано, что управление современными технологическими процессами невозможно без правового сопровождения, что позволяет говорить о том, что правовой менеджмент выступает не отдельным видом, но самостоятельным направлением каждого из видов менеджмента. Его частным проявлением следует считать «уголовно-правовой менеджмент». Исходя из способности уголовного права сдерживать применение новых, потенциально опасных технологий, воздействовать на поведение различных субъектов в условиях НТП, дается его определение как специфического способа влияния на общественные отношения через реализацию функций уголовного права в целях создания и моделирования условий для максимально безопасного использования современных технологий.

1.7. Выявлено, что уголовный закон идет по пути криминализации преступного злоупотребления достижениями НТП и усиления санкций за подобные деяния. В связи с этим дается оценка эффективности различных видов уголовных наказаний, предусмотренных УК РФ, а также конфискации в отношении преступлений, связанных с использованием достижений НТП. Выдвигается и аргументируется мнение, что размеры штрафа за данные деяния должны быть соразмерны вреду, причиненному преступлением, а его уплата не должна исключать полного возмещения ущерба потерпевшим. Лишение свободы на определенный срок является эффективной мерой лишь при совершении умышленных преступлений, а также некоторых неосторожных деяний, повлекших тяжкие последствия. Если таковых последствий не наступило, целесообразно применение обязательных и исправительных работ; рассмотрены также перспективы применения принудительных работ с расширением перечня норм, в санкциях которых может найти место данный вид наказаний.

2. Сформулированы положения технико-юридического характера, включающие в себя предложения по совершенствованию действующих норм уголовного законодательства.

2.1. Доказано, что широкое использование СМИ и средств телекоммуникации в преступных целях повлекло включение данного признака (как правило, в качестве квалифицирующего) в диспозиции ряда норм Особенной части УК РФ, в том числе предусматривающих ответственность за экстремистскую деятельность. Однако при внешней схожести формулировок отмечаются некоторые лексические и пунктуационные отличия, способные воспрепятствовать единообразному восприятию и толкованию закона. Отсюда видится целесообразным приведение к единой модели составов преступлений, содержащих данный признак, на основе требований законодательной техники и дифференциации уголовной ответственности. Выдвигается предложение об унификации (дополнении либо корректировке формулировки) и изложении соответствующего признака в следующей редакции «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”» в п. «б» ч. 2 ст. 228¹, ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «г» ч. 2 ст. 242², ч. 1 ст. 171², ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹, ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 354 УК РФ, как это уже сделано в ч. 2 ст. 205² УК РФ в редакции ФЗ от 03.07.2016 № 375-ФЗ. Часть 2 ст. 128¹ и ч. 1 ст. 137 УК РФ после слов «или средствах массовой информации» требуют дополнения формулировкой «либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети “Интернет”». Часть 3 ст. 137 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «...в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет», информации...». В ч. 1 ст. 185³ УК РФ данный признак следует сформулировать как «распространение через средства массовой информации, либо электронные или информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть “Интернет”».

2.2. Аргументировано, что существование в уголовном законе конструкций составов преступлений с моделью создания опасности (составы угрозы, усеченные составы) обеспечивает необходимый превентивный потенциал, поскольку способствует повышению степени ответственного поведения лиц, вовлеченных в различные производственно-технологические процессы. Это предопределяет необходимость расширения их перечня в тексте УК РФ с дифференциацией ответственности за реальное причинение вреда и за создание угрозы наступления такого вреда. В частности, к такой единой модели мог бы быть отнесен ряд составов экологических преступлений, предполагающих причинение вреда конкретным природным ресурсам (почве, атмосфере, водам, морской среде).

2.3. Установлено, что применение наукоемких, высокотехнологичных видов медицинской помощи обостряет проблемы правовой оценки негативного воздействия врача или медицинского работника на пациента (ятрогения), поскольку у правоприменителя часто отсутствует ясное представление о критериях разграничения уголовно наказуемых и невиновно причиненных дефектов оказания медицинской помощи. Кроме того, в УК РФ недостаточно конкретно определены границы и характеристики объективной стороны деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 118 УК РФ, что требует совершенствования данной законодательной конструкции путем дополнения ее после слова «обязанностей» и перед словом «— наказываемся» словами: «в том числе при несоблюдении стандартов и правил оказания медицинской помощи».

2.4. Обосновывается предложение о расширении уголовно-правовой охраны в сфере трансплантологии посредством дополнения ч. 2 ст. 126 УК РФ (Похищение человека) самостоятельным пунктом с указанием на цель похищения — «изъятие органов и тканей»; установления запрета на производство трансплантации лицом, не имеющим на это лицензии, а также без получения согласия на забор донорского материала в установленном законом порядке, совершенное в корыстных целях.

2.5. Доказано, что механизм уголовно-правовой защиты в сфере использования витальных технологий может быть усовершенствован путем создания норм, предусматривающих ответственность за заражение человека неизлечимым заболеванием. В целях устранения этого пробела в уголовном законодательстве аргументируется необходимость дополнения ч. 1 ст. 111 УК РФ еще одним критерием тяжкого вреда здоровью — «заражение неизлечимым заболеванием с прогрессирующим течением». Соответственно, п. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, и п. 6.9 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, также должны быть скорректированы.

2.6. Выдвинуто и обосновано положение о необходимости комплексной уголовно-правовой защиты генетического материала и эмбрионов человека. В связи с этим предлагается внести в УК РФ ст. 357¹ «Клонирование человека и иные действия с эмбрионом и генетическим материалом человека», предусматривающую ответственность за создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем клонирования, а также использование технологий геной инженерии для разработки и производства биологического оружия или оружия массового поражения.

2.7. При современном уровне развития науки весьма высок риск проведения незаконных экспериментов над человеком. На основании вышеизложенного аргументируется предложение дополнить УК РФ ст. 123¹ «Проведение незаконных опытов над человеком», которая предусматривает ответственность за проведение незаконных медицинских, биологических, психологических или иных опытов над человеком, повлекших наступление вреда жизни или здоровью потерпевшего.

2.8. Аргументировано, что одними из наиболее опасных порождений НТП являются взрывные устройства и оружие, использование которых при террористических актах приводит к немалым жертвам и разрушениям. Однако законодатель не разграничивает случаи реального их применения и угрозы применения. Тем не менее, объективная сторона того и другого существенно различается. В связи с этим теоретически обосновывается предложение подвергнуть техническим и редакционным поправкам ст. 205 УК РФ, в ее ч. 1 сформировать состав угрозы теракта, а в ч. 1¹ расположить материальный состав с дифференциацией ответственности. Но в обоих случаях наказание должно выражаться в лишении свободы.

2.9. Исходя из запрета применения аналогии закона к нормам УК РФ, а также в целях проведения более четкой границы между деянием, предусмотренным ст. 159⁶ УК РФ, и смежными составами преступлений вносится предложение о дополнении ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ после слов «информационно-телекоммуникационных сетей» словами «сопряженное с обманом пользователей компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

2.10. Развитие различных форм расчетов через электронные системы привело к росту числа мошенничеств в этой сфере. С выделением в уголовном законе специального состава мошенничества с использованием платежных карт (ст. 159³ УК РФ) неохваченными остались иные способы незаконного завладения чужими материальными средствами, имеющими стоимостный эквивалент. В связи с этим выдвигается предложение о замене указанного состава мошенничества более универсальной конструкцией, объективная сторона которой охватывала бы использование любых электронных платежных систем.

2.11. Выявлено, что нарушение правил идентификации пользователей услуг связи выступает одним из неотъемлемых условий совершения ряда преступлений. На основании вышеизложенного и с учетом зарубежного опыта обосновывается предложение о дополнении гл. 24 УК РФ ст. 214¹ «Нарушение правил оказания услуг связи», предусматривающей ответственность за нарушение порядка идентификации пользователей услуг связи по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и используемому ими окончательному оборудованию, в том числе неправомерное изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ или оборудования для изменения идентификационного кода абонентского устройства, в случаях когда эти действия совершены в целях совершения преступления либо облегчения его совершения или сокрытия.

2.12. Анализ различных противоправных акций радикальных движений по борьбе с негативными последствиями НТП показал отсутствие в уголовном законе норм, позволяющих дать им адекватную

правовую оценку. В связи с этим обосновывается мнение о необходимости введения в УК РФ ст. 205⁶ «Экологический терроризм», предусматривающей ответственность за совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях изменения экологической и научно-технической политики и деятельности государства и негосударственных организаций, сформулировано примечание.

2.13. Для защиты фармацевтического рынка от возможных злоупотреблений законодатель ввел в УК РФ ряд новелл (ст. 235¹, 238¹ и 327²). Однако некоторые нормы представляются небезупречными в законодательно-техническом плане, а также ввиду неполной имплементации некоторых положений ратифицированной Россией Конвенции MEDICRIME. Исходя из этого предлагается:

в ч. 1 ст. 238¹ УК РФ слова «совершенные в крупном размере» заменить словами «если это создало опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека, либо совершено в крупном размере»; разъяснение формулировки «создало опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека» дать в примечании (редакция предлагается);

исключить из диспозиции ч. 1 ст. 238¹ УК РФ слова «содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции», так как данное обстоятельство не исчерпывает понятий «фальсифицированные», «некачественные» применительно к любым препаратам медицинского назначения, а уяснить эти понятия можно, обратившись к нормам специального законодательства, поскольку норма сформулирована как бланкетная;

дополнить ст. 238¹ УК РФ ч. 1¹, предусматривающий ответственность за сбыт фальсифицированных либо недоброкачественных, либо незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо фальсифицированных биологически активных добавок, совершенный с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), сопряженный с созданием опасности причинения вреда жизни или здоровью человека либо причинением ущерба.

2.14. Теоретически обосновывается вывод о том, что принудительные работы, как новый вид наказания, в перспективе могут стать эффективным средством противодействия преступности, использующей достижения НТП. Но для практического воплощения этой идеи требуется: 1) ч. 5 ст. 53¹ УК РФ перенести сообразно ее отраслевой принадлежности в ст. 60.4 УИК РФ, сформировав часть 1¹; 2) исходя из принципа справедливости назначаемого наказания исключить указание на тяжкие деяния в ч. 1 ст. 53¹ УК РФ; 3) для упрощения технологии применения принудительных работ придать самостоятельное значение этому виду наказания, исключив из ч. 1 ст. 53¹ УК РФ формулировку

«...применяются как альтернатива лишению свободы»; ч. 2 ст. 53¹ УК РФ считать утратившей силу; в ч. 1 ст. 299 УПК РФ аннулировать п. 7¹; предусмотреть особые условия отбывания этого вида наказания, отличающиеся от условий отбывания наказания в колонии-поселении.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в том, что сделанные выводы и обобщения знаний о сущности и основных направлениях НТП, их влиянии на состояние уголовного закона, имеющие теоретический и прикладной характер, затрагивают широкий круг проблем, представляющих интерес в доктрине уголовного права. В работе находят научное обоснование наиболее дискуссионные вопросы уголовно-правовой науки, такие как уголовная ответственность юридических лиц, концепция неосторожного сопричинения, межотраслевая дифференциация ответственности. Кроме того, автор выступает за криминализацию новых деяний, за расширение рамок уголовной ответственности, так как это является требованием времени в контексте проблем, обусловленных НТП. При принятии УК РФ в 1996 г. некоторые вопросы не ставились вообще, но за 20 лет приобрели актуальность, и их решение стало необходимостью. Разработка понятийно-категориального аппарата, а также вносимые предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и толкование отдельных вопросов квалификации деяний при расширении и детализации объектов уголовно-правовой охраны могут быть использованы для выработки уголовно-политических решений насущных и перспективных проблем. Ряд выводов сформулирован на концептуальном уровне, что выступает предпосылкой для дальнейших углубленных исследований. Выдвинутые предложения и их обоснование могут быть включены в общую теоретическую базу для комплексного противодействия преступности, использующей достижения НТП.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что основные выводы, рекомендации, предложения могут быть использованы органами законодательной и исполнительной власти при разработке и реализации законопроектов по усовершенствованию уголовного законодательства, иных нормативных правовых актов, создании и внедрении государственных программ борьбы с преступностью, использующей достижения НТП. Для правоприменительной практики могут представлять интерес вопросы толкования терминологии, квалификации составов отдельных преступлений и критерии отграничения их от смежных деяний, интерпретация материалов статистики. Представленные разработки могут оказаться полезными в учебном процессе при изучении курсов «Уголовное право», «Криминология», спецкурсов, разработанных на их основе, а также при подготовке научных и учебно-методических работ.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена применением научной методологии и методики исследования, сравнением имеющихся теоретических положений и сведений, получен-

ных в ходе эмпирического исследования, сопоставлением результатов представленного исследования с положениями исследований других научных авторов. Необходимая полнота, объективность и корректность исследования достигалась репрезентативностью выборки (1 103 человека), что в целом соответствует требованиям к подобного рода исследованиям. Для достижения комплексности изучения проблемы использовался широкий круг источников, которые составили теоретическую и нормативную базу исследования. Кроме того, высокая степень достоверности результатов проведенного исследования обеспечена итогами апробирования разработанных выводов и положений на практике и в учебном процессе, что подтверждается актами внедрения.

Апробация и практическая реализация результатов исследования осуществлялись в следующих основных направлениях.

Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России. Отдельные положения диссертации неоднократно докладывались автором на заседаниях вышеназванной кафедры. Рецензирование и предварительная защита диссертации проводились с участием представителей профессорско-преподавательского состава кафедры.

По тематике диссертационного исследования автором опубликовано 4 монографии, учебное пособие, а также 62 научных статьи, из которых 28 – в изданиях, рекомендованных Минобрнауки России (общий объем – 78,24 п. л.).

Основные результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на международных и российских научно-практических конференциях, круглых столах и иных научных форумах: Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.И. Алексеева «Модернизация России и обеспечение криминологической безопасности» (Ставрополь, 2012 г.); XIV межвузовской научно-практической конференции «Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты» (Владикавказ, 2012 г.); VI Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы юриспруденции» (Москва, 2012 г.); X Международной научно-практической конференции «Законность и правопорядок в современном обществе» (Новосибирск, 2012 г.); X Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 2013 г.); круглом столе, посвященном 10-летию образования филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Кавказскому федеральному округу «Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне» (Ставрополь, 2013 г.); XVI Межвузовской научно-практической конференции «Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты» (Владикавказ, 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России: идеологические, социокультурные и правопримени-

тельные аспекты противодействия» (Нальчик, 2014 г.); V Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» (Краснодар, 2014 г.); Второй научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Москва, 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии» (Ставрополь, 2015 г.); Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Безопасность Северо-Кавказского региона: прошлое, настоящее, будущее» (Пятигорск, 2015 г.); XVII Межвузовской научно-практической конференции «Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты» (Владикавказ, 2015 г.); Международной научно-практической конференции «Стратегии противодействия вызовам преступности в России на современном этапе» (Нальчик, 2015 г.); VI Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» (Краснодар, 2015 г.); Международной научно-практической конференции «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение» (Геленджик, 2015 г.); V Международной научно-практической конференции «Тенденции развития современной юриспруденции» (Санкт-Петербург, 2015 г.); IX Международной научно-практической конференции «Конституция и конституционная законность» (Владикавказ, 2015 г.); Международной научно-практической конференции – IV Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» (Калининград, 2015 г.); XIII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 2016 г.); XI ежегодном межвузовском круглом столе, посвященном Дню российской науки «Актуальные проблемы уголовного права и криминологии» (Ставрополь, 2016 г.); III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного российского государства и права» памяти заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора А.Н. Соколова (Калининград, 2016 г.); X Российском конгрессе уголовного права «Криминологические основы уголовного права» (Москва, 2016 г.).

Положения и выводы, представленные в диссертации, учитывались при разработке рабочих и учебных программ по дисциплине «Уголовное право», «Уголовное право зарубежных стран», «Проблемы уголовного права России» для студентов очной и заочной форм обучения различных образовательных организаций России с 2004 по 2015 г. (ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет», НОУ ВПО «Владикавказский институт управления» и др.).

Некоторые положения и выводы, представленные в диссертации, внедрены в учебный процесс ряда образовательных организаций (ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», Калининградский филиал ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Юридический институт ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Институт права ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет», НОУ ВПО «Владикавказский институт управления»).

Основные теоретические выводы и положения диссертационного исследования использовались соискателем при чтении лекций и проведении семинарских, практических занятий по Общей и Особенной частям уголовного права в ряде образовательных организаций (ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет», НОУ ВПО «Владикавказский институт управления»).

Результаты исследования внедрены и используются в практической деятельности Главного управления внутренних дел МВД России по Краснодарскому краю, Главного управления внутренних дел МВД России по Ставропольскому краю, Министерства внутренних дел по Республике Северная Осетия–Алания, Следственного управления МВД по Республике Адыгея, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Северная Осетия–Алания, Верховного Суда Республики Северная Осетия–Алания и Ставропольского краевого суда.

Структура диссертации определена ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех разделов, шести глав, объединяющих девятнадцать параграфов, заключения, списка литературы и восьми приложений. Первый раздел содержит две главы, включающих шесть параграфов. Второй раздел состоит из двух глав, объединяющих шесть параграфов. Третий раздел состоит из двух глав, объединяющих семь параграфов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор и актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет, ставятся цель и задачи исследования, раскрываются методологическая, теоретическая,

нормативная и эмпирическая основы работы, научная новизна полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается их теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации и структуре работы.

Первый раздел «Общие теоретические вопросы взаимодействия научно-технического прогресса и уголовного права» включает в себя две главы.

В первой главе «**Теоретические основы правового изучения взаимосвязи научно-технического прогресса и уголовного права**» дается анализ базовых для проведенного исследования понятий, раскрывается их сущность и социально-правовая оценка, а также структура и функции современных технологий, содержание их влияния на развитие уголовного права.

В параграфе 1.1. «**Сущность результатов научно-технического прогресса и их социально-правовая оценка**» рассмотрение проблемы осуществляется на основе исследования ее отражения в уголовном законодательстве и уголовно-правовой доктрине.

Анализ специальной литературы позволил выделить несколько этапов эволюции взаимоотношений техники и науки: 1) середина XVII – первая половина XVIII в. (внедрение методов механики, математического естествознания в технологические процессы промышленного производства, развитие научного инструментария); 2) середина XVIII – начало XX в. (дифференциация науки и техники, усиление сциентификации технического развития; 3) XX в. (прорыв в науке и технике, начало тотальной автоматизации, информатизации, развитие био- и нанотехнологий); 4) с начала XXI в. (окончательное превращение науки в непосредственную производительную силу).

Указывается, что данные этапы НТП коррелируют со стадиями культурной матрицы техногенного развития: *прединдустриальной, индустриальной и постиндустриальной*.

Проводя параллели между состоянием правовой системы и изменениями в научно-технологическом базисе общества, диссертант отмечает, что любые трансформации права в его реакции на преобразования в социальной жизни – это результат оценочной деятельности публичных институтов власти. Исходя из этого тезиса, автор проводит анализ двух составляющих единого понятия «социально-правовая оценка достижений НТП».

В социальной оценке развития науки и техники на протяжении различных исторических этапов отчетливо прослеживается некая двойственность – признавая полезность новых достижений, человечество неизбежно сталкивается с проблемой преодоления нежелательных «побочных эффектов» как на локальном, так и на глобальном уровнях.

На основании анализа материалов 624 уголовных дел и внесенных в уголовное законодательство за последние годы изменений диссертантом высказано и обосновано суждение, что современные темпы

НТП стимулируют повышенную правотворческую активность, однако на сегодняшний день отмечается «запаздывание» правовой реакции на меняющиеся общественные отношения. Данный вывод подтверждается мнением экспертов (судей, прокуроров, адвокатов, следователей, дознавателей и др.), 61,8% которых указали на неэффективность действующих норм уголовного права в отношении большинства преступлений, связанных с НТП; 20,7% считают уголовный закон неэффективным в отношении ограниченного круга деяний и 13,2% признали полную несостоятельность уголовного закона противостоять данному виду преступности. Обозначены и некоторые иные правовые проблемы, обусловленные развитием науки и техники, общие для всех отраслей российского права. На основании теоретического изложения и историко-философского анализа выводится авторское понятие социально-правовой оценки достижений НТП.

В параграфе 1.2. «Структура и функции достижений научно-технического прогресса» автором выделены четыре основные группы технологий, оказывающие наиболее сильное влияние на генезис уголовного права: производственные, социальные, информационные и витальные. Каждая из них охарактеризована с общесоциальной и уголовно-правовой точек зрения. Первыми анализу подверглись производственные технологии, поскольку именно они исторически сложились ранее других, во многом обусловив эволюцию социально-политических и экономических отношений. Их сущность и классификация раскрыты во взаимосвязи с основными производственными операциями: добычи, переработки, транспортирования, складирования, сбережения, передачи прав владения, продажи и т. п. Сделан вывод, что уголовно-правовые проблемы возникают при нарушении установленных правил производства данных операций. Соответствующие составы преступлений закреплены в гл. 24, 25, 26 УК РФ.

Далее диссертантом рассмотрены социальные технологии, в рамках которых приведено более подробное деление на социокультурные, социально-экономические и социально-политические технологии. В целом они представлены как совокупность методов и средств организации человеческой деятельности с целью воздействия на социальные процессы, обусловленные задачами методов воздействия на ее стимулирование и функционирование, а также на организацию деятельности субъекта воздействия с контролем состояния, преобразования и оптимизации личностных ресурсов. Социальные технологии находят свое отражение в гл. 19 УК РФ (избирательные технологии, технологии обеспечения личных и политических свобод); гл. 20 (технологии обеспечения социальной ценности семьи); гл. 24, 29 и 34 (технологии обеспечения общественной, государственной и мировой безопасности); гл. 25 (технологии защиты общественной нравственности). Далее в работе уделено внимание лишь некоторым из них, наиболее тесно связанным с НТП.

Следующая группа достижений НТП – информационные технологии – рассмотрена как часть социальных технологий, но в то же время имеющая самостоятельное значение. Они определены как совокупность методов сбора, хранения и переработки информации. Соответствующие нормы УК РФ разбросаны по тексту, за исключением гл. 28, но, вместе с тем, их объединяет то, что информационные технологии опосредуют или облегчают совершение преступлений.

Общий анализ витальных технологий, включающих в себя биотехнологии, проведен диссертантом с точки зрения этимологии слова «витальный», означающего «жизненный, относящийся к явлениям жизни», а также в приложении к различным отраслям науки. Концептуально обозначена структура уголовно-правовых проблем, связанных с развитием биотехнологий, среди которых выделены: 1) биоэтические проблемы в уголовном праве (вопросы экстракорпорального оплодотворения, суррогатного материнства); 2) проблемы охраны жизни в уголовном праве (проблемы эвтаназии, клонирования человека, причинения смерти по неосторожности); 3) проблемы охраны здоровья граждан (уголовно-правовые аспекты трансплантации органов и (или) тканей человека, причинения вреда здоровью по неосторожности, применения нетрадиционных методов лечения).

Отмечено, что достижения НТП на современном витке развития науки не существуют изолированно, а взаимообогащают и усиливают друг друга. Так же и деяния, совершаемые с использованием достижений НТП, соединяют в себе признаки не только различных преступлений, но и использования различных современных технологий. Так, из изученных нами 78 судебных решений по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации в 79,5% случаев в квалификации деяний, наряду со ст. 272–274 УК РФ, фигурировали ст. 138, 146, 156, 158, 159, 292, 183, 187 УК РФ. В связи с этим вопрос о комплексном их исследовании и системном смысле отдельных правовых норм становится все более актуальным. Теперь элементарная правовая единица просто обязана быть увязанной со всей правовой системой, а не только с отраслевыми источниками.

Основные функции достижений НТП, выделенные автором, перекликаются с общими проблемами устойчивого развития государства, а следовательно, современным технологиям должна предоставляться полноценная уголовно-правовая охрана. Это функции рационализации, стабилизации, развития, систематизации, повышения эффективности взаимодействия человека и окружающей среды; преобразовательная, нормативная, регулятивно-управленческая, политическая функции.

Параграф 1.3. «Содержание влияния научно-технических достижений на генезис уголовного права» построен на основе тезиса о том, что НТП не только испытывает на себе регулятивное воздействие права, но и, в свою очередь, оказывает значительное воздействие на право. В его контексте развита идея о способах преодоления уголовно-

правового «запаздывания» в регулировании и охране общественных отношений в условиях НТП. Диссертантом предложены способы его преодоления, такие как прогнозирование научно-технического развития в его непосредственной взаимосвязи с прогнозированием криминологическим, а также моделирование правовой системы.

При уяснении сущности влияния достижений НТП на генезис уголовного права приоритет отдан аксиологическому подходу, согласно которому человек утверждается высшей ценностью. Из этого вытекает фундаментальная задача обеспечения уголовно-правовыми средствами упорядоченной инфраструктуры, в которой человек чувствовал бы себя свободным и защищенным. В связи с этим в контексте исследования была выдвинута и обоснована идея об универсальном межродовом объекте уголовно-правовых отношений, в качестве которого выступает безопасность (индивидуальная и коллективная), дано ее авторское определение.

Отдельное внимание уделено вопросу о том, какие из связанных с НТП отношений подлежат регламентации в уголовном законе. Отвечая на него, диссертант называет общественные отношения, которые возникают в связи с деянием, обладающим всеми признаками преступления, носящие публичный характер и в содержательном отношении отражающие связь между правонарушителем, потерпевшим и государством. Совпадение этих элементов в модели фактического отношения свидетельствует о превращении его в уголовно-правовое. Формулируется общий вывод: из сущности витальных, информационных, производственных, социальных технологий, лежащих в основе прогрессивных и регрессивных процессов в социальном обществе, вытекают обязательства уголовного права по выявлению сущности уголовных деяний, их механизма, динамики, путей пресечения и профилактики. На основании вышеизложенного концептуально обозначен ряд уголовно-правовых проблем, требующих своего разрешения в связи с современными достижениями НТП и дальнейшими перспективами его ускорения.

Усложнение общественных процессов в условиях НТП влечет необходимость периодической организации специальных криминологических исследований. При этом следует отметить, что в общей схеме мероприятий, изложенных автором в диссертации, выделяется отдельный пункт – оценка рисков, порождаемых инновациями, поскольку игнорирование данного фактора часто приводит к излишней либерализации уголовного закона.

В качестве одного из направлений генезиса уголовного права, обусловленного НТП, выступает развитие представлений о формах вины. Отмечается значимость неосторожности в связи с правонарушениями техногенного характера. В связи с этим автор придерживается позиции о целесообразности установления ответственности сопричинителей вреда по неосторожности, что находит эмпирическое подтверждение в пятой главе работы.

Модернизация языка уголовного права представлена в диссертации как неотъемлемая часть эволюции данной отрасли под влиянием НТП. Признается допустимым, разумеется, в ограниченных пределах, использование в праве неологизмов и профессионализмов, связанных с появлением новых технологий. Главным условием их использования в тексте уголовного закона является их дефинирование в самих диспозициях норм, в примечаниях, а также допускается бланкетный способ уяснения терминов.

По мнению автора, адаптация науки и отрасли уголовного права к изменениям, вызываемым НТП, подчиняется общим закономерностям генезиса правовой системы и может происходить посредством: 1) гармонизации правовых норм с нормами международного права, иных отраслей права; 2) учета программных, а также стратегических документов, отражающих перспективные направления уголовно-правовой и общегосударственной политики; 3) совершенствования юридической техники, введения в правовой оборот новых понятий и терминов; 4) межотраслевой и отраслевой дифференциации ответственности за правонарушения, связанные с внедрением достижений НТП.

Во второй главе **«Развитие отечественного уголовного права под влиянием научно-технического прогресса»** приводимая диссертантом в работе периодизация этапов эволюции взаимоотношений техники и науки сопоставляется с этапами развития уголовного права, что способствует уяснению взаимосвязи между уголовным правом и НТП.

В *параграфе 2.1. «Влияние результатов научно-технического прогресса на эволюцию уголовного права России в имперский период»* на примере отдельных уголовно-правовых актов начиная с середины XVIII в. демонстрируется, что каждому этапу исторического процесса соответствует новый виток развития законодательства. Ретроспективный анализ источников того времени позволяет констатировать, что доминирующее положение среди всех ставших предметом диссертационного исследования технологий занимали производственные, связанные в первую очередь с влиянием человека на окружающую среду при нарушении требований, предъявляемых к различного рода деятельности. Также в указанный период уголовный закон обогатился составами преступлений, связанными с нарушением производственных технологий в сфере транспорта, услуг связи. Особенно заметно увеличение преступлений с неосторожной формой вины. Вводятся каторжные работы как вид уголовного наказания, обусловленный потребностью государства в рабочей силе на производстве.

Существенное влияние на генезис уголовного права оказывало социально-экономическое положение и внешнеполитический статус России как государства, громко заявившего о своих международных притязаниях. Наибольший законодательный акцент делался на прорисовке мер по обеспечению общественной и государственной безопасности. В дальнейшем платформа законодательных изысканий становится все бо-

лее разноплановой. Свою роль в формировании правовых предписаний, опосредованных НТП, сыграла и юридическая доктрина, способствовавшая «насыщению» уголовного законодательства. Дискуссии относительно статуса электроэнергии, целесообразности придания равной правовой защиты патентованным и непатентованным изобретениям, согласия потерпевшего на причинение вреда как обстоятельства, понижающего или устраняющего наказуемость содеянного, вызвали к жизни ряд новелл в уголовном законодательстве. Со временем все более явно стали проступать тенденции расширения границ уголовно-правовых предписаний за счет включения в законодательство ранее неизвестных составов преступлений. Так, на протяжении всего своего существования Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало комплекс норм об ответственности за нарушение правил, установленных для продажи, хранения и употребления ядовитых и сильнодействующих веществ (ст. 867–869¹). Отмечена казуистичность описания составов преступлений и отсутствие в ряде случаев четкого разграничения административных деликтов и уголовных преступлений. Прослеживается тенденция к углублению дифференциации ответственности при помощи, прежде всего, субъективных характеристик содеянного (путем выделения специальных составов на основе профессиональных функций деятеля и различных комбинаций волевых и интеллектуальных моментов вины). Появляются нормы о преступлениях, совершаемых медицинским персоналом, в том числе и аптекарями, при ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей и использовании сильнодействующих и ядовитых веществ. В Уложении 1903 г. отдельной регламентации подвергнуто лишение жизни по настоянию самого потерпевшего или из сострадания к нему (ст. 460).

Большая часть из накопленного дореволюционного опыта была реципирована последующими источниками уголовного права, хотя и в несколько измененном виде.

Параграф 2.2. «Развитие уголовного права, детерминированного результатами научно-технического прогресса, в Советской России», как и предыдущий, построен на ретроспективном анализе отдельных источников данного временного периода. Доминирующая роль в процессе модернизации уголовного законодательства по-прежнему принадлежала производственным технологиям. Потребность государства в рабочей силе и перевод производства на новые рельсы экономического развития сыграли немаловажную роль в обособлении института уголовной ответственности за трудовое дезертирство и уклонение от учета рабочих и служащих. Преобразовательная деятельность человека способствовала усилению ответственности за преступления против природной среды и ее отдельных компонентов (установление уголовной ответственности за лесопорубки без надлежащего разрешения). Происходит обособление группы транспортных преступлений, увеличение разнообразия данных соста-

вов. Рост технических возможностей человека обусловил вторжение последнего в глубь земли, вследствие чего недра превратились в самостоятельный объект правовой охраны. Усложнение деятельности человека привело к разрастанию числа составов, связанных с нарушением установленных технических правил. В связи с гонкой вооружений появляются нормы, направленные на недопущение использования запрещенных видов оружия массового уничтожения.

Ряд новелл касается социальных технологий. Законодатель в данный период контролирует деятельность СМИ по распространению массовой информации. Постепенно расширяются пределы уголовной ответственности за деликты, связанные с наркотическими, токсическими и ядовитыми веществами, а равно усиливаются репрессивные меры для лиц, злоупотребляющих подобными препаратами. Вместе с тем, законодатель изыскивает способы смягчения или и вовсе исключения ответственности для таких лиц в особых случаях.

В регламентации отдельных вопросов наблюдается некоторая хаотичность (уголовная ответственность за кражу электроэнергии, незаконное врачевание, отношение к убийству, совершенному из сострадания и т. п.). Вместе с тем, общая композиция Особенной части уголовного закона становится более продуманной. Например, деяния, нарушающие избирательные права, по признакам родового и группового объектов перешли в разряд преступлений против личности. Происходит новеллизация принципиально важных положений, которые будут оказывать влияние на модификацию закона в последующем (начало становления системы информационных преступлений и придание самостоятельности составу убийства по неосторожности).

Нельзя умолчать и о тех негативных процессах, которые, наряду с успехами в индустриализации страны за короткие сроки, происходили в рассматриваемый исторический период в Советской России. В частности, достаточно отметить колоссальный рост числа заключенных, которые в качестве дешевой рабочей силы нещадно использовались практически на всех грандиозных стройках Советского Союза во имя прогресса.

В параграфе 2.3. «Функциональность уголовного права Российской Федерации в условиях научно-технического прогресса» с принципиально новых для науки уголовного права позиций в контексте проблематики диссертационного исследования раскрываются цели, задачи, функции уголовного права в современных условиях. Диссертант не ограничивается традиционными подходами. Отмечается, что с помощью правовых средств государство, с одной стороны, поощряет и стимулирует развитие науки, с другой стороны, посредством нормативных предписаний осуществляет регулятивную и сдерживающую функции в этой сфере. Так, определяя рамки поведения субъектов, уголовный закон способствует направлению научно-технической мысли в социально одобряемое русло путем: 1) установления уголовно-правового запрета; 2) создания стимулиру-

ющих норм, предусматривающих основания освобождения от уголовной ответственности, смягчения наказания; 3) закрепления дозволений, исключающих общественную опасность деяния. В связи с вышеизложенным обосновывается вывод о неразрывной связи между организующей и охранительной функциями уголовно-правовых норм.

Соблюдение требования субординации правовых норм, проанализированное в работе, позволяет органично встроить уголовно-правовые механизмы в общеправовую систему противодействия злоупотреблениям достижениями НТП при сохранении относительной автономии норм данной отрасли, включающейся в действие лишь когда иные правовые ресурсы исчерпаны.

На основе результатов опроса экспертов автор выделяет основные причины недостаточной эффективности норм уголовного закона в противодействии злоупотреблениям достижениями НТП. Среди них лидируют: пробельность закона (отметили 72,8% респондентов), низкая правовая культура населения (62%), излишняя мягкость уголовно-правовых санкций (55%). Также опрошенные ссылались на либеральность подходов правоприменителей к выбору мер воздействия на преступника (29,6%), отсутствие действенных альтернатив уголовно-правовым способам разрешения уголовно-правового конфликта (17,1%) и некоторые другие. Кроме того, проведенное анкетирование позволило выделить главные трудности в правоприменении при оценке преступлений, связанных с достижениями НТП: обилие бланкетных норм (выделили 86% респондентов), сложности разграничения смежных составов (48,2%), необходимость принимать решения с учетом сложившейся практики (37,8%) и объективной нагрузки на уголовно-исполнительную систему (27,9%) и др.

С учетом проведенного теоретического и статистического анализа диссертантом предложена методика определения функциональности уголовного права РФ при оценке достижений НТП, включающая следующие положения: 1) всесторонний анализ ценностей, которые затрагивают достижения НТП; учет вторичных экономических, санитарных, экологических, гуманитарных, социальных и других эффектов; 2) оценка инновационной техники с точки зрения ее надежности, возможных негативных последствий ее использования; 3) ответ на вопрос о достаточности имеющихся уголовно-правовых средств для решения задач и функций данной отрасли на современном уровне развития науки и техники, выявление пробелов в законе при наличии объектов, нуждающихся в уголовно-правовой охране; 4) анализ и структурирование проблем, оценка адекватности реакции уголовного права на меняющиеся вследствие НТП отношения (оценка правоприменения), выявление лакун правового регулирования; 5) проверка оснований для уголовно-правового регулирования общественных отношений по следующим критериям: степень общественной опасности конкретных видов деяний, уровень их делинквентности (частота, распространенность правонарушений), воз-

возможность и пределы эффективного применения уголовно-правовых средств воздействия; исследование предпосылок для криминализации или декриминализации, пенализации или депенализации; 6) применение комплекса инструментов юридической технологии (юридической гносеологии; юридической техники, включающей интерпретационную, правотворческую и правоприменительную технику; юридической герменевтики; выстраивание субординационных связей); 7) выбор более «тонкого» уголовно-правового инструментария в виде углубления дифференциации уголовной ответственности, совершенствования средств индивидуализации наказания; 8) блокирование правовыми средствами инновационных технологий, способных нанести серьезный ущерб объектам уголовно-правовой охраны; распределение ответственности между субъектами, создающими новые технологии, и субъектами-пользователями.

В завершении параграфа сделан обобщающий вывод о дальнейших направлениях развития уголовного права, корреспондирующих современным инновационным процессам.

Второй раздел «Основные подходы к противодействию преступности, связанной с использованием достижений научно-технического прогресса, в международном и зарубежном уголовном праве» объединяет две главы.

В третьей главе **«Влияние норм международного права на российское уголовное право в условиях научно-технического прогресса»** раскрываются вопросы обеспечения безопасности с точки зрения международной интеграции, а также вопросы имплементации и рецепции российским уголовным правом соответствующих норм международного права.

Параграф 3.1. «Основные подходы к обеспечению безопасности в условиях научно-технического прогресса в международном праве» посвящен рассмотрению основных международных правовых актов, имеющих первостепенное значение в противодействии незаконному использованию передовых технологий. Отправной точкой исследования в данной части работы стал первый и пока единственный акт международного уровня, комплексно затрагивающий вопросы использования достижений НТП на благо цивилизации – Декларация ООН об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества, принятая Резолюцией 3384 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1975 г. Далее дана общая характеристика международных документов в сфере охраны окружающей природной среды и производственной безопасности (Стокгольмская декларация по окружающей человека среде 1972 г., Всемирная хартия охраны природы 1982 г., Декларация по окружающей среде и развитию 1992 г., Конвенция о предотвращении крупных промышленных аварий (Женева, 1993 г.) и др.). Проводя параллели между развитием науки и техники, с одной стороны, и проблемами преступности, с другой, диссертант обращается к обширной группе международных актов, направленных на

борьбу с терроризмом, а также к Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия».

Следующий блок глобальных проблем, обусловленных биотехнологиями, затронут в Конвенции о биологическом разнообразии, Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека и других документах.

На примере Конвенции Совета Европы от 30 мая 2002 г. «О киберпреступности» и иных международных соглашений автор подчеркивает значение конвенционного права и международной интеграции по вопросу противодействия злоупотреблениям в сфере информационных технологий.

В международном праве в связи с глобальными проблемами, обусловленными НТП, выделен ряд тенденций: происходит постепенный отход от декларирования основных идей к установлению конкретных механизмов взаимодействия; отмечается превалирование аксиологического подхода в решении глобальных проблем с акцентом на естественные неотъемлемые блага человека; наряду с мерами, которые страны-участницы обязаны предпринять на национальном уровне, предусматриваются меры по координации усилий отдельных государств; при наличии признаков экстерриториальности и экстрадиционности преступлений, связанных со злоупотреблениями достижениями НТП, устанавливаются не только гарантии привлечения виновных к ответственности, но и запрет на «двойную уголовную ответственность»; осуществляется ориентация не только на собственно криминальные явления, но и сопутствующие факторы; предусматривается ответственность юридических лиц при условии, что преступления совершены в пользу них, вне зависимости от привлечения к ответственности физических лиц; делается упор на расширение информационного обмена; наблюдается упрощение процессуальных процедур международного сотрудничества.

В параграфе 3.2. «Имплементация и рецепция международных норм, направленных на обеспечение безопасности в условиях научно-технического прогресса, отечественным уголовным правом» диссертантом анализируются вопросы полноты и результативности восприятия российским законодателем основных подходов международного сообщества к решению глобальных проблем, детерминируемых НТП.

Имплементация международно-правовых норм в уголовное право России определена как создание правового механизма выполнения международных обязательств в отечественном законодательстве и правоприменительной практике, а также прямое непосредственное применение международно-правовых норм в случаях, не требующих внесения изменений в национальные нормативные правовые источники. Уточнено, что последнее возможно лишь применительно к рецепции принци-

пиальных положений и общей стратегии поведения в условиях НТП, но не в отношении установления уголовного запрета. Заключение международных договоров почти всегда требует изменения действующего законодательства или принятия новых нормативных правовых актов, поскольку выявляет пробелы и бреши в защите от криминальных угроз. Это может касаться признаков объективной стороны, трактовки уголовно-правовых понятий, признаков дифференциации ответственности и др.

Отмечается, что имплементация общепризнанных принципов и норм в уголовное законодательство способствовала изменению всей архитектоники Особенной части УК РФ. Рецепция международной концепции защиты прав человека привела к смещению приоритетов в сторону охраны витальных благ индивида, его жизни, здоровья, чести и достоинства.

Большинство международных соглашений, затрагивающих вопросы безопасности в условиях НТП, ратифицированы Россией, что привело к поэтапной модернизации и новеллизации уголовного закона, но этот процесс не завершен. Некоторые заслуживающие внимания отечественного законодателя положения пока не имплементированы в уголовный закон. Так, например, отмечается неполное восприятие УК РФ форм и методов борьбы с некоторыми проявлениями терроризма и экстремизма, в том числе и в части защиты объектов топливно-энергетического комплекса от данных угроз; некоторые важные для криминализации новых деяний признаки утрачиваются при имплементации (использование СМИ и средств телекоммуникации при совершении преступлений на фармацевтическом рынке) и др. Эксперты-практики оценили степень актуальности имплементации международных соглашений в области биотехнологий и информационного обмена при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети «Интернет», как высокую (63,2% и 35,4% соответственно) и очень высокую (32,9% и 41,8% соответственно). 79,2% респондентов сочли значимой рецепцию международной концепции ответственности юридических лиц.

По ряду международных соглашений (конвенции в области информационных технологий и биотехнологий) наша страна занимает выжидательную позицию, не ратифицируя их, как правило, ссылаясь на необходимость охраны национального суверенитета и обеспечение безопасности во взаимоотношениях с другими договаривающимися сторонами. В ряде случаев препятствием для ратификации служит косность российской уголовно-правовой доктрины и политики, как в случае с соглашениями, содержащими рекомендации относительно установления уголовной ответственности юридических лиц. Однако это не означает непризнания нашим государством основополагающих принципов и идей, заложенных в содержании международных правовых актов.

В четвертой главе «Потенциал уголовного права зарубежных стран в противодействии незаконной реализации достижений научно-технического прогресса» рассматриваются основные подходы к

обеспечению безопасности в условиях НТП в уголовном законодательстве зарубежных стран, принадлежащим к разным правовым системам.

В *параграфе 4.1. «Уголовная ответственность за нарушение информационной безопасности личности и государства в странах зарубежья»* автором проведен сравнительно-правовой анализ ряда источников права, который позволил убедиться, что в связи со значимостью информации в современном мире в них получают отражение различные процессы, связанные с получением, хранением, обработкой и распространением информации. Криминализации подвергаются посягательства как в целом на информационную безопасность, так и на отдельные ее компоненты, при этом формы установления уголовно-правового запрета различны.

Государства, присоединившиеся к Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. (их более 30), предусматривают четыре блока уголовно наказуемых деяний: 1) против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; 2) связанные с использованием компьютерных средств; 3) связанные с содержанием данных; 4) связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

В диссертации показана роль не только общемировых соглашений, но и актов более узкого порядка (например, Модельного УК для стран – участниц СНГ) в унификации уголовно-правовых подходов к обеспечению информационной безопасности. Еще одна тенденция, которая отмечается в зарубежном уголовном праве при регламентации ответственности за «компьютерные преступления», – восприятие и сохранение исторического опыта правовой регламентации, наряду с отражением новейших технологий в тексте уголовно-правовых норм.

Однако в целом можно утверждать, что в большинстве стран законодатели идут по пути выделения двух групп преступлений: 1) деяния с использованием информационных технологий; 2) деяния, где информация и информационные технологии выступают объектом посягательства. Довольно обособленную группу составляют деяния, связанные с информационным воздействием. Вместе с тем имеются и существенные различия в подходах к установлению уголовной ответственности за данные преступления (например, серьезная вариабельность наказания и определения категории деяния), что мешает международной интеграции, несмотря на конвенциональные способы регламентации этих вопросов.

Параграф 4.2. «Установление и реализация уголовно-правовых запретов в сфере применения производственных технологий за рубежом» посвящен изучению опыта различных государств в обеспечении производственной и экологической безопасности. Проведенное исследование позволило диссертанту выявить ряд общих тенденций правового регулирования данных вопросов. *Во-первых*, для большинства современных зарубежных стран традиционно выделение самостоятельных разделов о преступлениях против общественной без-

опасности, связанных с производственными технологиями. Компоновка правового материала при этом может происходить на основе межродового объекта посягательств, которым выступает собственно общественная безопасность (УК Швеции, Армении, Норвегии, Аргентины и др.) либо исходя из особенностей родового объекта (УК Украины). Для стран традиционного мусульманского права (Иран, Ирак, Ливия и др.), где ведущими источниками уголовно-правовых норм выступают религиозные тексты, не характерна внутренняя структуризация текста по предмету регулирования общественных отношений, а выделяются отдельные положения, имеющие уголовно-правовое значение.

Во-вторых, уголовно-правовая доктрина и практика ряда государств признают возможным соучастие в неосторожном преступном деянии либо определяют данное явление как неосторожное сопричинение (УК Республики Сан-Марино, Швеции, Польши, США).

В-третьих, отмечено усиленное внимание иностранного законодателя к регламентации ответственности за экологические преступления и/или проступки. В некоторых странах эти нормы обособились в самостоятельные суботрасли. Так, в Германии такая предметно-специфическая совокупность юридических норм оформилась в уголовно-экологическое право. В ряде стран деятельность по противодействию экологической преступности опосредована работой специализированных национальных природоохранных органов и организаций (США и Финляндия). В силу схожести объективной стороны уголовно наказуемых и административных деликтов некоторые страны применяют в обязательном порядке административную преюдицию (ФРГ, Республика Беларусь), что позволяет экономить меры уголовной репрессии.

В-четвертых, следуя нормам международного права, многие государства устанавливают уголовную ответственность юридических лиц, что наиболее актуально для возмещения ущерба от преступлений, связанных с производственными технологиями (Испания, Дания, Финляндия, США, Австралия, Иордания, Ливан, Сирия и др.). В работе рассмотрено несколько законодательных моделей реализации корпоративной уголовной ответственности.

В-пятых, в ряде стран видовыми, групповыми, а чаще непосредственными объектами преступного посягательства признаются довольно «узкие» сегменты общественных отношений. В частности, особой заботой ряда зарубежных законодателей пользуется сфера безопасности продовольствия и питьевой воды (Аргентина, Корея). Довольно часто нормы, касающиеся технологий, связанных с эксплуатацией транспорта и транспортной инфраструктурой, занимают значительное место в текстах уголовных законов (страны СНГ).

Делается общий вывод о том, что законодатели практически всех стран обеспокоены развитием производственных технологий, заключающих в себе повышенные эксплуатационные риски. Этим вызвано существование в зарубежных уголовно-правовых источниках обширного

круга норм, призванных противостоять нарушениям технологических процессов, халатному исполнению профессиональных обязанностей обслуживающим персоналом и управленческим звеном, что находит свое отражение в особенностях конструкций составов преступлений.

В параграфе 4.3. «Основные подходы в зарубежном уголовном праве к вопросам незаконного использования социально-политических, социально-экономических, социокультурных технологий» изложены основные подходы в зарубежном уголовном праве к вопросам незаконного использования социально-политических, социально-экономических и социокультурных технологий.

В системе преступлений, связанных с социально-политическими технологиями, в зарубежных странах прослеживается выделение группы посягательств на безопасность общества и государства, которым в ряде случаев отводится главенствующая роль. Подавляющее большинство стран объединяет их в один структурно обособленный раздел или главу (например, УК Швеции), реже отмечается их разделение (УК Дании). Иногда к преступлениям против государства относят и деяния, посягающие на нормальный порядок проведения избирательной кампании (УК Латвии), но гораздо чаще рассматривают их как разновидность посягательств на конституционные права и свободы граждан. Как показал проведенный анализ, примеров криминализации действий, связанных с неправомерным вмешательством в работу автоматизированных систем, стоящих на службе выборного процесса, аналогичных составу ч. 3 ст. 141 УК РФ, на сегодняшний день не имеется, за исключением нового УК Казахстана. Угроза терроризма и экстремизма обусловила существование уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с публичным распространением соответствующей идеологии, в зарубежном законодательстве большинства стран, не исключая мусульманские. Интерес представляют также специальные составы, прицельно направленные на защиту производственного сектора от террористической угрозы, например, конструкция технологического терроризма, предложенная в ст. 324 УК Грузии.

Для законодателей европейских стран значительно раньше стала очевидна угроза, исходящая от манипуляций с новинками технического прогресса в экономической сфере. Так, получили статус уголовно охраняемых объектов и предметов различные платежные средства (банковские кредитные карты, чеки и т. д.). Выявлено два варианта регламентации ответственности в данной сфере: 1) универсальный, предусматривающий ответственность за незаконные действия с любыми платежными средствами (УК Латвии (ст. 193), УК Казахстана (ст. 207), УК Армении (ст. 203), УК Азербайджана (ст. 205)); 2) оформление самостоятельного состава об изготовлении или сбыте поддельных банковских пластиковых карт, а также средств доступа к банковским счетам (УК Украины (ст. 200), УК Кыргызстана (ст. 203)). Отмечается более детальная и широкая, чем в России, регламентация уголовной ответственности за неправомерное использование различных реестров, инсайдерской информации.

Преступления, связанные с социокультурными технологиями, представлены за рубежом достаточно широко. В силу регулярного обновления законодательного материала с уверенностью можно констатировать, что все чаще законодатели зарубежных стран приходят к мысли о необходимости выделения самостоятельного раздела (или главы), аккумулирующего нормы о преступных деяниях в сфере общественной нравственности. Среди основных тенденций развития зарубежной уголовной политики в сфере защиты нравственности выделены: 1) криминализация «преступлений без жертв», ставящих под угрозу или причиняющих ущерб нормам общественной морали; 2) криминализация факта обмена различных запрещенных товаров (наркотиков, психотропных веществ) или услуг (азартные игры, секс) на деньги; 3) борьба с сетью преступных организаций, занимающихся соответствующей деятельностью, противодействие коррупции; 4) упор на неуголовные меры ответственности за различные проявления порнографии, постепенное вытеснение из УК «взрослой» порнографии и всемерное ужесточение ответственности за детскую порнографию; 5) усиление ответственности за использование сети «Интернет», компьютерных технологий в целях изготовления и распространения запрещенных контентов.

В завершение анализа потенциала зарубежного уголовного законодательства за использование потенциально опасных социокультурных технологий делается вывод о необходимости дальнейшей консолидации усилий мирового сообщества в борьбе со злоупотреблениями различными социальными технологиями и явлениями, проистекающими из их сути.

В параграфе 4.4. «Уголовная ответственность за посягательства на витальные блага человека, обусловленные научно-техническим прогрессом, в зарубежном законодательстве» рассматриваются вопросы уголовно-правовой защиты жизни и здоровья человека, связанные с применением технологий в области биологии и медицины.

Установлено, что уголовно-правовые источники зарубежных стран при использовании современных витальных технологий объединяет ряд общих проблем. Так, уголовные законы многих государств содержат составы неосторожного причинения вреда здоровью и смерти при осуществлении медицинской деятельности. Степень детализации при выделении специальных составов при этом сильно различается. Так, УК Украины изобилует такими составами (ст. 131, 134, 136, 137, 138–142). УК Аргентины в ст. 84 формирует один общий состав, связывая причинение смерти с неосторожностью, небрежностью, неопытностью в ремесле или профессии, несоблюдением правил или должностных обязанностей.

Выявлены различные подходы в законодательствах стран, принадлежащих даже к одной правовой семье, в вопросах правовой оценки эвтанази. Некоторые государства (США, Франция) легализовали пассивную эвтаназию. В большинстве стран ведущими про-

должают оставаться два подхода: преследовать за указанное деяние по правилам норм о простом убийстве или неоказании медицинской помощи либо рассматривать эвтаназию в качестве привилегированного убийства. Нет единообразия и в подходах к регулированию сферы различных методов лечения, проведения опытов с биологическим материалом человека. Анализ имеющихся источников показал, что состав законодательного материала по исследуемому вопросу позволяет разделить зарубежные страны условно на три группы: 1) государства, чьи уголовные законы не создают специальных норм об ответственности за незаконную врачебную и квазиврачебную деятельность (ФРГ, Болгария, Япония и др.); 2) государства, в которых регламентирована уголовная ответственность за осуществление незаконного врачевания либо УК которых содержат иные сходные составы деяний (Беларусь, Латвия, Австрия); 3) государства, предусматривающие специальные составы преступлений, связанные с применением новейших технологий в области биомедицины, в том числе и экспериментального характера (Франция, Испания).

В исследовании дается анализ норм зарубежного уголовного законодательства, касающихся области медицинской генетики, незаконных экспериментов на человеке. Отдельное внимание уделено вопросам вмешательства в репродуктивную сферу человека. Здесь также диссертант отмечает множественность подходов к учреждению уголовных запретов. На примерах отдельных источников зарубежного права показан процесс рецепции норм международного права в сфере защиты эмбриона как прачеловека. Помимо традиционных норм о запрете криминальных аборт, анализируются ультрановые составы преступлений, такие как незаконное осуществление хирургической стерилизации, искусственное оплодотворение или имплантация эмбриона без письменного согласия пациентки (УК Молдовы, Азербайджана, Эстонии). Не остались без внимания уголовно-правовые проблемы, возникающие в связи с развитием технологий клонирования. На примерах УК Испании и Франции проанализированы основные подходы к их решению в странах Западной Европы, приводится также правовая оценка клонирования с точки зрения мусульманского права.

В завершение параграфа делается обобщение о том, что уголовное право многих стран пока не в достаточной степени отвечает вызовам сегодняшнего дня, поскольку витальные технологии являются наиболее революционными и стремительно развивающимися, что определяет эффект правового запаздывания.

Третий раздел «Уголовное право современной России и противодействие злоупотреблениям достижениями научно-технического прогресса» включает две главы.

В пятой главе **«Современное состояние российского уголовного права и предпосылки его дальнейшего развития в условиях научно-технического прогресса»** диссертантом рассматриваются

вопросы отражения различных достижений науки и техники в нормах действующего отечественного уголовного закона, выявляются пробелы правового регулирования и причины недостаточно эффективного правоприменения.

В параграфе 5.1. «Состояние и предпосылки модернизации отечественного уголовного законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности личности и государства» дается общая характеристика уголовно наказуемых деяний, связанных с информационными технологиями в узком и широком смыслах, выявляются проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за их совершение, возникающие в связи информатизацией различных социальных процессов.

Преступления, связанные с информационными технологиями, представлены в российском уголовном законе весьма разнообразно. Соответствующие нормы разбросаны по всему Кодексу, в связи с чем автором обоснована и предложена развернутая классификация данных деяний.

I. Преступления, где общественные отношения по поводу информационных ресурсов и прав, связанных с ними, являются основным, дополнительным или факультативным объектом преступного посягательства: 1) преступления, связанные с деятельностью государственных, политических, экономических структур в области формирования, распространения и использования информации (ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ст. 138¹, ст. 140, п. «б» ч. 2, 3 ст. 141, ч. 2, 3 ст. 144, ст. 155, 170¹, 173², ч. 2–4 ст. 183, ст. 185–185³, 185⁶, 237, 283, 284, 285³, 287, 292, 302, 307, 311, 320 УК РФ); 2) деяния, связанные с сбором, распространением, копированием или фальсификацией информации, совершаемые частными лицами, общественными и религиозными структурами (ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 141, п. «а», «в» ч. 2 ст. 141, ч. 1, 3 ст. 144, ч. 1, 3, 4 ст. 183, ст. 187, 198, 199, 233, 242–242², 310 УК РФ); 3) преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ); 4) преступления в информационно-внешнеполитической и информационно-внешнеэкономической сферах (ст. 189, 275, 276, 280, 282, ч. 1 ст. 253, ст. 354 УК РФ).

II. Преступления, при совершении которых информация выступает средством совершения преступления: 1) преступления, основным способом совершения которых выступает информационное воздействие на потерпевшего (ст. 163, 179, 230, 306, ч. 2 ст. 309, ст. 319, 336 УК РФ); 2) преступления, при совершении которых информационное воздействие на потерпевшего выступает альтернативным или дополнительным способом их совершения (ст. 110, ст. 133, ст. 205¹, ч. 1 ст. 239, ст. 240, 296, 302, ч. 2 ст. 309 УК РФ); 3) преступления, информационное воздействие при совершении которых не имеет строго персонифицированной направленности (ст. 205², 207, ч. 3 ст. 212, ч. 2 ст. 239, ст. 280, 282 УК РФ).

В диссертации также приводится классификация преступлений, связанных с информационными технологиями и информационным воздействием по признакам основного объекта.

Достаточно широкий перечень преступлений, «имеющих информационную составляющую», в УК РФ объясняется тем, что соответствующие технологии все чаще сопровождают противоправную деятельность. Отсюда проистекает и необходимость появления новелл в Особенной части УК РФ и трансформации давно известного уголовному праву составов преступлений. Постепенно сужая научный поиск, диссертант обращается к проблеме так называемых «компьютерных преступлений», т. е. деяний, в объекте или объективной стороне которых возможно присутствие электронной (компьютерной) информации (подделка финансовых и иных документов с использованием компьютерной и копировальной техники; хищения, сопряженные с подделкой пластиковых карт и использованием иных средств электронных платежей, а также данных пластиковых карт; хищения, сопряженные с неправомерным доступом к электронной информации и др.). Однако поскольку многие из этих преступлений содержат в своей основе социально-экономические технологии, на них автор останавливается во втором параграфе данной главы. В этой части работы подробному исследованию подверглись лишь составы, обособленные в гл. 28 УК РФ, при этом аргументируется оговорка, что точнее было бы именовать их преступлениями в сфере электронной информации, несколько расширив диспозиции данных норм. Автором изучены материалы 78 уголовных дел, где в качестве одного или нескольких пунктов обвинения выступают ст. 272–274 УК РФ. Чаще всего данные деяния образуют совокупность, а нередко и конкурируют с деянием, предусмотренным ст. 146 УК РФ. Отличительной особенностью первых является то, что видовым и единственным основным объектом посягательства здесь выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность компьютерной информации. Это свойство позволяет отграничивать данные составы от смежных деяний, совершаемых с использованием компьютерной информации. На основе теоретического исследования, анализа материалов уголовных дел, а также результатов опроса экспертов автор обосновывает мнение о необходимости модернизации уголовно-правовых норм, действующих в информационной сфере. Диссертант присоединяется к оценкам тех респондентов, которые оценили актуальность этого как высокую (41%) и очень высокую (46,8%). Еще 10% опрошенных в целом признали такую необходимость и лишь 1,4% отрицали ее.

Параграф завершается выводом о том, что сущность информационной безопасности в контексте проблем преступности представляет собой дихотомическую систему: с одной стороны, уголовное право предоставляет охрану конституционным правам на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, с другой – охрану от злоупотреблений этими правами, а также защиту от негативной информации.

В параграфе 5.2. «Уголовно-правовое регулирование и предпосылки совершенствования защиты от неправомерного использования социальных технологий в России» рассмотрены виды злоупотреблений данными технологиями, показана реакция на них уголовного закона, а также выявлены некоторые пробелы правового регулирования и охраны.

Автором в диссертации представлен развернутый анализ проблем уголовного права, обусловленных развитием социальных (социально-политических, социально-экономических и социокультурных) технологий, исходя из чего делается вывод о необходимости совершенствования соответствующих уголовно-правовых норм. Эксперты-практики, с которыми согласен диссертант, наиболее высоко оценили актуальность модернизации норм, действующих в социально-экономической сфере (90,4%), чуть ниже – в социально-политической сфере (73,9%), и еще чуть ниже – в социально-культурной сфере (68,2%).

Обращается внимание на неоднозначность трактовок экстремизма и терроризма в доктрине, нормативных правовых актах и практике. Вносится предложение об унификации подходов к их определению на основе тезиса о том, что террористические преступления не лишены экстремистских мотивов. На основе анализа уголовных дел о преступлениях экстремистской и террористической направленности, а также различных аналитических материалов делается вывод, что одной из причин широкого распространения соответствующей идеологии в России, наряду с социокультурными различиями, выступает информационное моделирование общения между отдельными социальными группами с использованием достижений НТП. Широкое использование СМИ и сети «Интернет» в данных целях повлекло включение этого признака в диспозиции некоторых норм Особенной части УК РФ. Однако отмечается несогласованность в определении роли данного признака при отнесении к основному или квалифицированному составу, а также отсутствие единообразия формулировок, что вызывает проблемы правоприменения, что подтверждается итоговыми судебными решениями по делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности. В связи с этим диссертантом аргументируется предложение об устранении указанных недостатков. Идею об унификации места данного признака в статьях УК РФ в качестве квалифицирующего и изложении его в единой редакции в целом одобрили 28,2% экспертов, еще 33,2% оценили ее как актуальную, а 26% – как высокоактуальную.

Проанализирован ряд уголовно-правовых проблем, связанных с отечественными механизмами применения автоматизированных избирательных систем, вопросами охраны конфиденциальной информации, используемой при оказании госуслуг и в сфере муниципального управления. Особенно остро поднимаются вопросы использования электронных средств платежей в свете проблем киберпреступности. Исследованию подвергся ряд новелл УК РФ, касающихся экономического сектора общественной жизни и внедрения в него достижений НТП. Проанализировано 82 судебных решения по уголовным делам о преступлениях, затрагивающих одновременно вопросы экономической и информацион-

ной безопасности, а также информационные ресурсы, размещаемые в открытом доступе Управлением «К» МВД России. Это позволило выявить ряд негативных тенденций: 1) в преступных целях все чаще используются автоматизированные банковские системы, электронные базы данных и платежные терминалы; 2) сеть «Интернет» стала местом размещения рекламы поддельных платежных документов и иных криминальных услуг; 3) электронные средства коммуникации (сотовая связь, сеть «Интернет») используются как средства «обезличивания» субъекта, вступающего в правоотношения; 4) преступные деяния отличаются многоэпизодностью, высокими суммами ущерба, наряду с крайне либеральными мерами воздействия, избираемыми судом.

В группе уголовно-правовых проблем социокультурного плана особого внимания заслуживают современные технологии распространения контентов пронаркотического и порнографического содержания, а также подпольный игорный бизнес с использованием технического оборудования. Изучены материалы уголовных дел о преступлениях соответствующей направленности, информационные ресурсы Управления «К» МВД России, представленные на официальном сайте. На основе проведенного анализа диссертант делает ряд выводов: 1) в качестве одной из главных причин совершения данных преступлений выступает недостаточная ясность формулировок и понятий, в частности порнографии, и недопонимание пользователями интернет-сайтов и распространителями соответствующих контентов степени общественной опасности данных деяний; 2) интенсивность преступности данного вида значительно повышается пропорционально уровню урбанизации; 3) условиями, облегчающими совершение преступлений, либо средствами их совершения являются СМС- и ММС-сообщения, сеть «Интернет», системы видеонаблюдения; 4) для данных деяний характерны многоэпизодность, транснациональный характер.

Относительно незаконного использования социальных технологий диссертантом делается обобщение о том, что преступники, используя современные достижения науки и техники, «играют» на социальных слабостях общества, используют наиболее востребованные каналы связи и коммуникации, широко практикуют методы «социальной инженерии». Данные явления прямо корреспондируют вопросам доверия к власти на всех ее уровнях, а также уровню виктимности населения в социально-экономических отношениях. Это говорит о высокой степени общественной опасности деяний, совершаемых с использованием современных социальных технологий, что заставляет искать новые подходы к решению указанных проблем.

В параграфе 5.3. «Общая характеристика и предпосылки развития уголовного законодательства России в сфере противодействия злоупотреблениям производственными технологиями» аргументируется необходимость ревизии существующих и вновь созданных уголовно-правовых запретов, направленных на обеспечение безопасности в производственном секторе.

УК РФ содержит большое количество составов преступлений, в диспозициях которых отражены те или иные производственные технологии, и расположены они в тексте Особенной части УК РФ (в гл. 24, 25, 26, 27). Автором дается их синтезированная уголовно-правовая характеристика.

В ходе опроса 12,8% респондентов оценили степень актуальности модернизации уголовно-правовых норм, действующих в производственной сфере, как значимую, 74% – как высокую и 7,5% – как очень высокую.

Производственные технологии имеют в большинстве своем характер высокорисковых, в силу чего требуют надлежащей уголовно-правовой защиты от возможных злоупотреблений. В связи с этим обосновывается идея о дифференциации ответственности за реальное причинение вреда и за создание угрозы наступления такого. В частности, рассматривается возможность приведения к такой единой модели ряда составов экологических преступлений, предполагающих причинение вреда конкретным природным ресурсам (почве, атмосфере, водам, морской среде).

Существенной особенностью применения производственных технологий выступает использование коллективного труда. В связи с этим в исследовании развивается идея о неосторожном сопричинении. Для аргументации своей позиции диссертант приводит результаты анализа материалов уголовных дел о преступлениях, совершенных по неосторожности в производственной сфере, из результатов рассмотрения которых следует, что к уголовной ответственности привлекаются в основном лица, ответственные за безопасность технологических процессов, но существующая нормативная система не позволяет в полной мере оценить «вклад» каждого участника данных общественных отношений в причинение единого преступного результата. При этом не отвергается идея об индивидуализации наказания для каждого субъекта в отдельности.

На примерах резонансных дел последних лет и изученных материалов уголовных дел поднимаются проблемы отсутствия в уголовном законе норм об ответственности собственников источников повышенной опасности при предоставлении ими в пользование иным субъектам заведомо неисправного оборудования или иных технических средств; вопросы «обезличивания» участников производственных отношений посредством достижений технической мысли, приводящего, с одной стороны, к невозможности установить «заказчика» опасных и (или) противоправных работ, с другой стороны – создающего сложности в установлении субъективной стороны преступления в действиях исполнителей, связанные с информированием их о правомерности производимых технологических процессов. Отдельное внимание диссертантом уделено экологическим преступлениям, которые обусловлены злоупотреблением производственными технологиями. Изучение в связи с этим материалов 153 уголовных дел позволило выявить следующие

проблемы: 1) во всех случаях причинения вреда в крупном размере преступники использовали технические средства: бензопилы, погрузочную технику, транспорт, электропроводящие устройства, приборы ночного видения и др.; 2) привлекаемые к незаконной деятельности наемные работники в большинстве случаев не ставились в известность о ее противоправности и вследствие низкой правовой культуры не догадывались об этом; 3) наиболее часто нарушаемыми производственными технологиями являются технологии хранения, транспортировки, утилизации, добычи природных ресурсов. В связи с этим выявляются предпосылки такого явления, как радикальный энвайронментализм, который с точки зрения уголовного права может быть определен как экологический терроризм. В контексте уголовно-правовых проблем, обусловленных развитием фармацевтики, соответствующими новеллами УК РФ (ст. 235¹, 238¹, 327²) рассматриваются вопросы квалификации преступлений, связанных с обманом граждан при приобретении продукции медицинского назначения. Формулируется общий вывод о недостаточно эффективных механизмах уголовно-правовой защиты от злоупотреблений производственными технологиями.

Анализ, проведенный в *параграфе 5.4. «Состояние и предпосылки модернизации российского уголовного права, обусловленные развитием витальных технологий»*, позволил автору выделить не только текущие вопросы, требующие разрешения, но и перспективы развития уголовного законодательства и доктрины в сфере защиты жизни, здоровья человека в условиях НТП. В обоснование актуальности исследования этого вопроса диссертант обращается к результатам опроса экспертов, 6,1% которых признали значимость обновления уголовного закона в соответствующей части, 15% – оценили необходимость этого чуть выше и 78,9% – признали исключительную потребность в этом. В частности, в контексте проблемы поздних аборт, ненадлежащего обращения с эмбриональным материалом человека с биоэтических позиций обосновывается необходимость придания самостоятельного правового статуса эмбриону и плоду. В связи с этим поддержана идея об ограничении рекламы аборт в СМИ, сети «Интернет», при проведении массовых мероприятий; предложено вынести на обсуждение вопрос об установлении уголовной ответственности за принуждение к производству аборта путем шантажа, угроз или иных форм физического или психического насилия. С медико-деонтологических, религиозно-этических и юридических позиций обращается внимание к проблеме эвтанази с применением медицинских технологий. На основе проведенного диссертантом социологического исследования вносится концептуальное предложение о введении в УК РФ отдельного привилегированного состава преступления, предусматривающего ответственность за убийство из сострадания. В основе его обоснования лежит представление о различии в степени общественной опасности так называемого «простого убийства» и эвтанази. Так, 38,6% респондентов из числа юристов-практиков считают дифференциацию уголовной ответственности за

убийство из сострадания с применением медицинских технологий как возможную, 18,9% – как актуальную, 6,1% – как высокоактуальную. Лишь 10,7% опрошенных признали данную проблему не требующей новеллизации закона. Данные результаты по существу совпали с результатами опроса более широкой группы респондентов – представителей различных социальных групп, большинство из которых (73%) считают несправедливой одинаковую уголовно-правовую оценку эвтаназии и умышленного убийства. 15% оценили существующую позицию законодателя по этому поводу положительно, а 12% затруднились с ответом.

К обязательным условиям применения предлагаемой новеллы отнесены: 1) наличие у лица, просившего о применении эвтаназии, неизлечимого при современном уровне развития медицины заболевания; 2) ясное выражение воли больным вне приступа боли, при ясном сознании; 3) исключение корыстного мотива и (или) мотива избавления от забот при наличии мотива сострадания к тяжелобольному у субъекта преступления, которым может являться медицинский работник и иное лицо; 4) максимально гуманный в данной ситуации способ причинения смерти.

Отдельной разработке подверглась проблема уголовно-правовой оценки негативного воздействия врача или медицинского работника на пациента (ятрогений) как отрицательных последствий медицинской деятельности. Анализ материалов уголовных дел, информационных ресурсов, размещенных на официальном сайте Министерства здравоохранения РФ (статистика), в сравнении с аналитическими материалами Общероссийской общественной организации «Лига защитников пациентов», показал, что в ряде случаев у сотрудников судебно-следственных органов, медицинских работников и населения отсутствует ясное представление о критериях разграничения уголовно наказуемых и невиновно причиненных дефектов оказания медицинской помощи. В связи с этим диссертантом обосновывается мнение о недостаточно конкретных границах объективной стороны деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 118 УК РФ в части, затрагивающей медицинскую профессиональную сферу, вносится предложение о дополнении ее после слова «обязанностей» и перед словом «– наказывается» словами «в том числе при несоблюдении стандартов и правил оказания медицинской помощи». Для борьбы с противозаконным использованием технологий трансплантологии обоснован вывод о расширении уголовно-правовой охраны в рассматриваемой сфере. С учетом этого предлагается дополнить ч. 2 ст. 126 (Похищение человека) самостоятельным пунктом с указанием на цель похищения – «изъятие органов и тканей»; установить запрет на производство трансплантации лицом, не имеющим на это лицензии, а также без получения согласия на забор донорского материала в установленном законом порядке, совершенное в корыстных целях. Выводы автора подкрепляются мнением экспертов из числа практикующих юристов, 6% которых считают расширение уголовно-правовой охраны в сфере трансплантологии значимым, 51,1% – актуальным и 12,5% – высокоактуальным.

Подводя итог, диссертант констатирует, что имеющиеся ресурсы уголовного закона применительно к оценке достижений НТП в сфере витальных технологий представляются архаичными, не способными обеспечить адекватную реакцию правоприменителя на совершаемые преступления. Автором были выделены перспективные направления развития уголовной политики: расширение уголовно-правовой охраны общественных отношений в области трансплантологии, эмбриологии и репродуктивной медицины, генной инженерии.

В шестой главе **«Минимизация злоупотреблений достижениями научно-технического прогресса уголовно-правовыми средствами»** раскрыты вопросы о роли уголовной политики в современных условиях, основные направления, формы и средства комплексного противодействия преступности, использующей достижения НТП.

В *параграфе 6.1. «Роль и приоритетные направления уголовно-правовой политики в условиях научно-технического прогресса»* диссертант поддерживает мнение ряда отечественных ученых (Э.Ф. Побегайло, А.Э. Жалинского, В.С. Овчинского и др.) о кризисе российской уголовной политики, для преодоления которого в условиях НТП предложен комплекс мер: 1) организация системного криминологического анализа современных проблем уголовного права; 2) проведение сравнительно-правовых исследований зарубежного и отечественного опыта реагирования на различные криминальные явления; 3) поиск и отбор наиболее эффективных механизмов противодействия криминалу; 4) выработка единой концепции развития законодательства; 5) стратегическое и тактическое планирование борьбы с преступностью, включающее разработку организационно-управленческих, идеологических, социально-экономических, воспитательных мер; 6) законотворческий процесс (выдвижение законодательных инициатив, их обоснование, правовая экспертиза, общественное обсуждение, принятие законов и подзаконных нормативных правовых актов); 7) правоприменение и регулярный мониторинг его эффективности.

Обосновывается вывод о том, что уголовная ответственность, наряду с административной и дисциплинарной формами юридической ответственности, все чаще упоминается при создании различных управленческих моделей. Выводится авторское понятие уголовно-правового менеджмента, который не эквивалентен менеджменту в экономике и управлению в административном праве, а представляет собой особую форму влияния на общественные отношения через правовое сопровождение управления социальными процессами путем создания нормативно-правовой базы, принудительных механизмов, обеспечивающих соблюдение установленных запретов, и некоторых поощрительных институтов. Выдвигается мнение, что уголовное право не только способно воздействовать на состояние общественных отношений, непосредственно затрагиваемых преступной деятельностью, но и опосредованно влиять на смежные сферы социальной жизни.

Данную идею поддержали 41,1% практикующих в сфере уголовного судопроизводства юристов. Еще 38,8% респондентов ограничили сферу влияния уголовного права общественными отношениями, непосредственно связанными с преступными деяниями. Ведущим объектом уголовно-правового менеджмента в условиях НТП следует признать деятельность человека, а именно: достойное его функционирование как биологического индивида и члена социума, разумное хозяйствование и природопользование, ограждение человечества от внедрения инновационных технологий с заведомо высоким либо трудно прогнозируемым уровнем риска наступления вредных последствий в совокупности со слабой их контролируемостью. Залогом успешной реализации уголовной политики при этом выступает прогнозирование и оценка рисков, опосредующих социально-правовое состояние безопасности. Именно риск определяется в работе как одна из базовых категорий уголовной политики в сфере противодействия злоупотреблениям достижениями НТП. В работе раскрываются способы оперирования данной категорией в УК РФ, подчеркивается ее значение при оценке криминогенного потенциала современных технологий и решении вопросов о криминализации деяний. Одной из главных целей уголовной политики в условиях НТП, по мнению диссертанта, является элиминация коррупциогенных факторов, которые в силу латентности с трудом подвергаются воздействию обычными средствами.

Отдельное внимание в работе уделено вопросам противодействия преступности, связанной с использованием достижений НТП. Проводится его сравнительный анализ с такими явлениями, как борьба с преступностью, профилактика и предупреждение преступности, воздействие на преступность. Понятие «противодействие преступности» рассматривается как наиболее широкое, дается его авторская дефиниция, основанная на мнении юристов-практиков, включивших в него меры уголовного наказания (отметили 100% респондентов), иные меры уголовно-правового характера (87,2%), меры, которые может возложить суд на осужденного (условно осужденного) (61,8%), деятельность по устранению причин и условий преступности (51,8%), меры, которые предусмотрены иными отраслями российского права (41,8%), комплекс поощрительных мер для лиц с положительным постпреступным поведением, а также лиц, причинивших вред при обстоятельствах, исключаящих преступность деяния (31,1%), углубление морально-этических составляющих уголовно-правовых норм (7,5%).

Подробному анализу подвергся ряд программных и стратегических документов, направленных на разработку комплекса мер противодействия преступности, рассчитанных на ближайшую перспективу. Отмечено, что помимо традиционных задач практически все они включают задачи, связанные с обеспечением безопасности современных технологий. Среди них выделены следующие: оценка социальных рисков, недопущение использования информационно-телекоммуникационной среды

в криминальных целях, модернизация материально-технических средств противодействия преступности, ограждение потенциально опасных объектов инфраструктуры от противоправных посягательств и др.

В **параграфе 6.2. «Комплексный характер правовых средств противодействия преступности, связанной с использованием достижений научно-технического прогресса»** с учетом уголовно-правовых проблем, обрисованных в предыдущих параграфах, в порядке *de lege ferende* предлагаются и обосновываются меры по совершенствованию законодательства, а также даются рекомендации по гармоничному взаимодействию уголовного права с иными отраслями права в процессе противодействия злоупотреблениям современными технологиями.

Наибольшее количество пробелов диссертантом выявлено в правовой регламентации уголовной ответственности за противоправное применение витальных технологий. В частности, с учетом высокой вероятности риска заражения неизлечимым заболеванием при выполнении медицинских вмешательств предлагается дополнить ч. 1 ст. 111 УК РФ еще одним критерием тяжкого вреда здоровью – «заражение неизлечимым заболеванием с прогрессирующим течением», внести соответствующие изменения в п. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека и п. 6.9 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. В своих выводах автор опирался на мнение юристов-практиков, 27,8% которых в ходе опроса посчитали возможным внесение подобных изменений в уголовный закон, 18,2% признали это актуальным, 5,4% – особо актуальным.

Проработан вопрос о перспективах криминализации манипуляций с генетическим материалом и эмбрионами человека. 94,6% респондентов из числа экспертов согласились с необходимостью выстраивания комплексной защиты в этой сфере. Более широкий по охвату социальных групп и детальный опрос показал, что 32% респондентов считают оправданным установление уголовно-правового запрета на полное клонирование человека, не возражая против так называемого «терапевтического клонирования». 22% выступили за криминализацию любых вариантов клонирования. Диссертант, считая, что предпосылки для криминализации злоупотреблений в этой сфере сложились, предлагает внести в УК РФ ст. 357¹ и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 357¹. Клонирование человека и иные действия с эмбрионом и генетическим материалом человека

1. Модификация генетической целостности клеток эмбриона человека, за исключением случаев, когда это необходимо для предотвращения заболевания ребенка тяжелой наследственной болезнью, –

наказывается...

2. Клонирование человека, то есть создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, –

наказывается...

3. Использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях, –
наказывается...

4. Использование технологий генной инженерии для разработки и производства биологического оружия или оружия массового поражения, –
наказывается...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, направленные на селекцию человеческой расы, –
наказываются...».

Высокий риск проведения незаконных экспериментов над человеком при современном уровне развития биотехнологий обуславливает необходимость дополнения УК РФ ст. 123¹. Данную идею автора поддержали 85,1% опрошенных экспертов-практиков, указывая различную степень актуальности этой новеллы. Более детальное анкетирование среди различных социальных групп показало, что 68,4% респондентов отметили потребность в такой норме уже в наши дни либо в перспективе. Диссертант предлагает следующую редакцию ст. 123¹ УК РФ:

«Статья 123¹. Проведение незаконных опытов над человеком

1. Проведение незаконных медицинских, биологических, психологических или иных опытов над человеком, если это повлекло по неосторожности смерть потерпевшего либо причинение тяжкого вреда его здоровью, –
наказывается...

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а равно лица, похищенного либо захваченного в качестве заложника;

г) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, –
наказывается...».

Определенные шаги предлагается предпринять в системе комплексного уголовно-правового противодействия злоупотреблениям социальными технологиями. Диссертант полагает, что последствия манипулирования чувствами верующих, в первую очередь посредством СМИ и средств телекоммуникации, существенно недооценивается. В связи с изложенным предлагается внести коррективы в ст. 205¹ и 205² УК РФ, вторые части которых дополнить словами «а равно с использованием религиозных чувств верующих».

Распространение через СМИ и телекоммуникационные сети идей экстремизма может подпадать под признаки как уголовного преступления (ст. 282 УК РФ), так и административного деликта (ст. 20.29 КоАП РФ). Критерий направленности умысла субъекта преступления, которым предлагает руководствоваться Верховный Суд РФ для их разграничения, по мнению диссертанта, не работает. Представляется более уместным последовательно применять нормы соответствующих отраслей права, используя институт преюдиции. Аналогичным образом преюдициальное значение могут иметь и гражданско-правовые процедуры признания распространяемых материалов экстремистскими.

Сравнительному исследованию с точки зрения характера и степени общественной опасности объективной стороны подвергнуты случаи использования оружия и взрывных устройств при совершении теракта, с одной стороны, и угрозы их применения – с другой. С учетом экспертных оценок, полученных в ходе анкетирования (56,7% респондентов согласились с тем, что их уголовно-правовая оценка должна быть дифференцирована), обосновывается предложение сформировать на основе ч. 1 ст. 205 УК РФ состав угрозы теракта, закрепив его в ч. 1, и материальный состав, поместив его в отдельную ч. 1¹, предусмотрев в обоих случаях меру наказания в виде лишения свободы.

Обращаясь к проблемам комплексного противодействия злоупотреблениям инновациями в социально-экономической сфере, автор отмечает несовершенство конструкции диспозиции ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ в части отсутствия в ней признаков, характерных для мошенничества (обман, злоупотребление доверием), что затрудняет разграничение ее со смежными составами в условиях запрета применения аналогии уголовного закона и прямой экстраполяции признаков, закрепленных в базовом составе ст. 159 УК РФ. В связи с этим вносится предложение о дополнении ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ после слов «информационно-телекоммуникационных сетей» словами «сопряженное с обманом пользователей компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

Несовершенной с законодательно-технической точки зрения представляется и ст. 159³ УК РФ, предусматривающая ответственность за мошенничество с использованием платежных карт. Поскольку это далеко не единственный способ незаконного завладения чужими материальными средствами, имеющими стоимостный эквивалент, ввиду хождения не только «пластиковых», но и «электронных» денег выдвинута идея о замене указанного состава преступления более универсальным, предполагающим использование любых электронных платежных систем.

В рамках комплексного правового подхода к проблемам противодействия преступности, связанной с использованием достижений НТП, необходимо проводить четкое разграничение различных средств коммуникации и унифицировать (дополнить либо скорректировать по форме изложения) формулировки п. «б» ч. 2 ст. 228¹, ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «г» ч. 2 ст. 242², ч. 1 ст. 171², ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹, ч. 1

ст. 282, ч. 2 ст. 354 УК РФ, где в качестве криминообразующего признака рассматривается использование общедоступных каналов информации и коммуникации в преступных целях и изложить данный признак в следующей редакции: «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”», как это уже сделано в ч. 2 ст. 205² УК РФ в редакции ФЗ от 03.07.2016 № 375-ФЗ. Аналогичным образом, как мы считаем, следует поступить и с ч. 2 ст. 128¹, ч. 1 ст. 137, ч. 3 ст. 137 и ч. 1 ст. 185³ УК РФ. Это даст возможность подчеркнуть относительную уникальность сети «Интернет» как информационного канала, имеющего в то же время телекоммуникационную сущность, и не отвергать возможность при соблюдении ряда условий относить ее к СМИ.

Обосновывается перспективная возможность установления уголовной ответственности субъектов, предоставляющих технические возможности для размещения данных информационных ресурсов (интернет-провайдеров, операторов связи и т.п.). Однако существующие правовые средства не позволяют это сделать. Требуется комплексная ревизия законодательства: учреждение уголовной ответственности юридических лиц; выработка единых межотраслевых подходов к вопросам ответственности таких субъектов; определение компетентного органа, в задачи которого следовало бы вменить контент-анализ информации, размещаемой в сети «Интернет», СМИ и других публичных информационных источниках.

Установлено, что использование технологий «обезличивания» номеров сотовых телефонов и IP-адресов широко используется преступниками при совершении мошенничеств и иных преступлений. Только лишь административных мер воздействия здесь недостаточно. Это подтверждают и эксперты-практики, 56,4% которых в ходе опроса признали необходимость внесения изменений в УК РФ, 11,1% признали это актуальным, 2,5% – особо актуальным. В связи с этим предлагается подвергнуть криминализации описанные в работе деяния и дополнить гл. 24 УК РФ ст. 214¹ следующего содержания:

«Статья 214¹. Нарушение правил оказания услуг связи

1. Нарушение пользователями услуг связи, операторами и лицами, действующими от имени оператора связи, порядка идентификации пользователей услуг связи по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и используемому ими оконечному оборудованию, в том числе неправомерное изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ или оборудования для изменения идентификационного кода абонентского устройства, если эти действия совершены в целях совершения преступления либо облегчения его совершения, или сокрытия, –

наказывается...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, – наказываются...».

В рамках комплексного решения уголовно-правовых проблем, обусловленных производственными технологиями, обосновывается необходимость повышения уголовно-правовых санкций за деяния, грозящие техногенными авариями и катастрофами. Наряду с этим, аргументируется тезис о включении в УК РФ нового привилегированного состава терроризма, охватывающего собой различные проявления радикального энвайронментализма, совпадающего по методам и средствам с террористическими актами, но существенно отличающегося по целям и мотивам, что влечет необходимость существенного снижения санкций за них. Диссертанта поддержали 65,9% респондентов, посчитавших актуальным введение такой новеллы. Предложено закрепить ее в ст. 205^б следующего содержания:

«Статья 205^б. Экологический терроризм

1. Совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях изменения экологической и научно-технической политики и деятельности государства и негосударственных организаций, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях, – наказываются...

2. Те же деяния:

а) совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) повлекшие по неосторожности смерть человека;

в) повлекшие причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, – наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ;

б) повлекли умышленное причинение смерти человеку, – наказываются...

Примечание. Лицо, участвовавшее в подготовке экологического террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления экологического террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления».

Требуют ревизии подходы к применению институтов крайней необходимости и обоснованного риска при решении вопросов привлечения к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ. В связи с этим аргументируется потребность во внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 с уточнением условий применения указанных институтов в ситуациях, когда действия виновных формально подпадали под действие уголовного запрета, но способствовали предотвращению более серьезных последствий. В этом же постановлении надлежит разъяснить вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, хотя и не ставших участниками ДТП, но фактически являвшихся виновниками аварии. Считаем, что их действия при наличии достаточных доказательств подпадают под действие ст. 264 УК РФ.

В числе других новелл, направленных на защиту фармацевтического рынка от возможных злоупотреблений, законодатель ввел в УК РФ ст. 238¹, которая оказалась, по нашему мнению, небезупречной. В связи с чем предложено: 1) в ч. 1 ст. 238¹ УК РФ слова «совершенные в крупном размере» заменить словами «если это создало опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека либо совершенно в крупном размере»; сформулировать примечание в следующей редакции: «Под созданием опасности причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека следует понимать сбыт лекарственных средств, медицинских изделий, биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, либо не содержащих заявленных действующих веществ, если их употребление согласно инструкции вызвало токсические эффекты, обострение или осложнение заболевания и при продолжении приема или использования могло повлечь причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человека»; 2) слова «содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции» из формулировки ч. 1 ст. 238¹ УК РФ исключить, поскольку данное обстоятельство не исчерпывает понятий «фальсифицированное лекарственное средство», «недоброкачественное лекарственное средство», а уяснить их можно, обратившись к нормам специального законодательства, поскольку норма сформулирована как бланкетная; 3) дополнить ст. 238¹ УК РФ ч. 1¹ следующего содержания: «сбыт фальсифицированных либо недоброкачественных, либо незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо фальсифицированных биологически активных добавок, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), если это создало опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека, либо совершенно в крупном размере, –

наказывается...».

Делается обобщение о том, что государство не может препятствовать развитию научно-технической мысли, но оно имеет возможность, в том числе и уголовно-правовыми средствами, ограничивать внедрение высокорисковых технологий, ограждать от злоупотреблений ими, когда это представляет опасность личности и всему человечеству, государственности и конституционному строю, другим, охраняемым законом благам и ценностям, путем установления запретов и предоставления повышенной защиты отдельным объектам в условиях использования достижений НТП.

В параграфе 6.3. «Технологии уголовного наказания и иные уголовно-правовые средства противодействия преступности, связанной с использованием достижений научно-технического прогресса» дается анализ современного состояния практики применения уголовного наказания и конфискации за преступления, связанные с применением современных технологий, а также вносятся предложения по разработке в науке и практике новых направлений противодействия преступности.

Технологии уголовного наказания выступают наиболее специфическим отраслевым средством противодействия преступности, использующей достижения НТП. По мнению диссертанта, все их можно условно разделить на два вида: технологии назначения наказания и технологии исполнения наказания. С учетом этого и исходя из контекста проведенного исследования дается авторская дефиниция технологий уголовного наказания.

Анализ практики применения уголовных наказаний за преступления, связанные с современными технологиями, показал излишне либеральный подход правоприменителя к оценке данных деяний. Изучение сводных статистических материалов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также резолютивных частей 529 обвинительных приговоров (из изученных 624 материалов дел) показало, что за совершение преступлений, обусловленных НТП, суды предпочитают в качестве основного вида наказания назначать штраф (чаще до 25 000 руб.), краткосрочное лишение свободы и условное осуждение к лишению свободы. Также востребованными оказались ограничение свободы, исправительные и обязательные работы. Избрание меры наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является достаточно редким явлением. Результаты анкетирования юристов-экспертов показали, что большинство респондентов самым высокоэффективным видом наказания в отношении преступлений, обусловленных НТП, считают именно штраф (как основное наказание – 23,2%, как дополнительное – 31,8%) и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания – 46,8%. Также как достаточно эффективные оценены лишение свободы на определенный срок, как реальное (48,9%), так и условное (56,8%), исправительные (60,7%) и обязательные работы (56,1%).

Применяемые санкции иногда оказываются более мягкими, чем гражданско-правовые или административные меры ответственности, что представляется неверным в виду наиболее высокой степени общественной опасности преступлений. Единственной прерогативой уголовного права в его реакции на противоправное поведение остается институт судимости.

Особое внимание в исследовании уделено перспективам применения такого вида наказаний, как принудительные работы. Большинство опрошенных экспертов расценили данный вид наказания в перспективе как эффективный (66,5%) и высокоэффективный (8,9%). Разделяя их мнение, автор обосновывает вывод о том, что именно в отношении преступлений, обусловленных НТП, принудительные работы были бы наиболее применимы, но при определенной корректировке существующей законодательной конструкции в плане упрощения и придания этому виду наказания самостоятельности. Выдвигаются следующие идеи: 1) перераспределить правовой материал сообразно его отраслевой принадлежности, для этого п. 5 ст. 53¹ УК РФ следует исключить, перенести соответствующие положения в ст. 60⁴ УИК РФ, сформировав отдельный пункт 1¹; 2) исходя из требования справедливости назначаемого наказания, исключить указание на тяжкие деяния в ч. 1 ст. 53¹ УК РФ; 3) исключить из ч. 1 ст. 53¹ УК РФ формулировку «...применяются как альтернатива лишению свободы»; ч. 2 ст. 53¹ УК РФ считать утратившей силу; в ч. 1 ст. 299 УПК РФ аннулировать п. 7¹; предусмотреть особые условия отбывания этого вида наказания, отличающиеся от условий отбывания наказания в колонии-поселении.

В связи с новеллами УК РФ 2011 г. (введение норм о принудительных работах, наделение суда правом по своему усмотрению снижать категорию преступления на одну ступень при соблюдении условий, заложенных в ч. 6 ст. 15 УК РФ) в работе поднимается вопрос о ретроактивном действии уголовного закона. С учетом проблемного поля исследования и норм уголовно-процессуального права анализируются технологии наказания в данных случаях. Даются рекомендации прикладного характера.

В контексте проблем, обусловленных НТП, проанализированы перспективы применения конфискации как одного из эффективных средств воздействия на преступность, связанную с современными технологиями. Большинство опрошенных экспертов считают данную меру в значительной мере эффективной (63,6%), а 15% – высокоэффективной. Обращено внимание на то, что формирование в УК РФ ограниченного перечня деяний, за которые она может быть назначена, неоправданно сужает ее карательный и превентивный потенциал в отношении преступлений в инновационной сфере с корыстными или коррупционными мотивами, приводящими к наступлению крупного или особо крупного ущерба, иным тяжким последствиям. На основании вышеизложенного предлагается дополнить соответствующий список следующими составами: ст. 120, ч. 2 ст. 144, ч. 3 ст. 159⁶, ст. 170¹, 185–185³, ст. 215², 221, ч. 2 ст. 226, ч. 2, 3 ст. 228, ст. 228³, 237, 242–242²; 256, 258, 260, ч. 2, 3 ст. 273, 274 УК РФ. Высказывается предположе-

ние о включении в этот перечень и ст. 246–255, 257 УК РФ в тех случаях, когда данные деяния имеют корыстную и (или) коррупционную составляющие, например, при неправомерном сбережении и незаконном перераспределении материальных средств, предназначенных для установки очистных сооружений, модернизации производства или надлежащей утилизации отходов и т. п.

Комплексный анализ зарубежного опыта и норм международного права в сфере противодействия преступлениям, связанным со злоупотреблениями достижениями НТП, показал целесообразность введения уголовной ответственности юридических лиц. Диссертант соглашается с доводами противников этого в том, что невозможно прямо экстраполировать категории вины и вменяемости на корпоративных субъектов. Вместе с тем, приводится комплекс аргументов в пользу создания особого механизма привлечения юридических лиц к уголовной ответственности на основе административно-правовой модели. Среди них, в частности, называются: 1) увеличение числа публично-правовых запретов, которые не могут быть обеспечены лишь средствами гражданского и административного законодательства, к примеру, неэффективность возмещения ущерба от преступлений, связанных с применением современных технологий через институт гражданского иска; 2) наступление корпоративной ответственности юридического лица не исключает уголовного преследования конкретных физических лиц; 3) фактическое признание в ряде законов и решениях Конституционного Суда РФ возможности выполнения объективной стороны преступлений юридическим лицом; 4) возможность разработки специального комплекса мер наказания или иных мер уголовно-правового воздействия, которые бы не только несли карательный потенциал, но и прежде всего имели бы реститутивный эффект (крупные штрафы, возложение обязанности устранения причиненного вреда в натуре, конфискация имущества, запрещение заниматься определенной деятельностью и как крайний шаг – ликвидация предприятия или организации).

В **заключении** работы кратко излагаются основные выводы диссертационного исследования, формулируются рекомендации и предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Приводится список более 800 использованных источников и литературы, который включает в себя: 1) нормативные правовые акты и иные официальные документы; 2) законопроекты; 3) зарубежные нормативные правовые акты; 4) судебная практика; 5) монографии, учебники, лекции, словари, комментарии, учебные и иные пособия; 6) статьи; 7) диссертации, авторефераты диссертаций; 8) источники на иностранных языках; 9) электронные ресурсы.

В **приложениях** приведены образцы анкет, использованных при опросах граждан и специалистов в области уголовного права, результаты соответствующих опросов, проекты постановлений о внесении дополнений в постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также иные материалы, отражающие эмпирическую базу исследования.

**Основные научные результаты диссертации
опубликованы в следующих работах автора:**

Учебные пособия и монографии:

1. Козаев Н.Ш. Преступления в производственной сфере: учебное пособие. – Владикавказ: Горский ГАУ, 2005. – 6,62 п. л.
2. Козаев Н.Ш. Уголовная политика России в условиях научно-технического прогресса. – Ставрополь: Кавказский край, 2008. – 7,7 п. л.
3. Козаев Н.Ш. Уголовное право в условиях научно-технического прогресса. – Владикавказ: Олимп, 2013. – 15,7 п. л.
4. Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства). – М.: Юрлитинформ, 2015. – 14 п. л.
5. Козаев Н.Ш. Противодействие злоупотреблениям современными технологиями: международно-правовые и уголовно-правовые аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 12 п. л.

***Научные статьи, опубликованные в изданиях,
рекомендованных Минобрнауки России:***

6. Козаев Н.Ш. Социально-правовая оценка результатов научно-технического прогресса // Социальное и пенсионное право. – 2012. – № 2. – С. 32–35. – 0,4 п. л.
7. Козаев Н.Ш. К вопросу о генезисе уголовного права в условиях научно-технического прогресса // Общество и право. – 2012 (ч. 1). – № 2. – С. 113–119. – 0,5 п. л.
8. Козаев Н.Ш. О функциональности уголовного права РФ в условиях научно-технического прогресса // Российский следователь. – 2012. – № 14. – С. 23–26. – 0,3 п. л.
9. Козаев Н.Ш. Развитие уголовного права в Советский период под воздействием научно-технического прогресса // Общество и право. – 2012. – № 3. – С. 138–142. – 0,4 п. л.
10. Козаев Н.Ш. Структура достижений научно-технического прогресса и их отражение в уголовном законе // Общество и право. – 2012. – № 4. – С. 121–124. – 0,3 п. л.
11. Козаев Н.Ш. Влияние результатов НТР на эволюцию уголовного права России в имперский период // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 98–101. – 0,3 п. л.
12. Козаев Н.Ш. Влияние научно-технических достижений на генезис уголовного права // Общество и право. – 2012. – № 5. – С. 127–130. – 0,3 п. л.
13. Козаев Н.Ш. Уголовная ответственность за посягательства на жизнь и здоровье человека, обусловленные научно-техническим прогрессом, в зарубежном законодательстве // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 2. – С. 275–278. – 0,4 п. л.

14. Козаев Н.Ш. Функциональность уголовного права Российской Федерации в оценке деятельности по созданию и использованию результатов научно-технического прогресса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 58–65. – 0,7 п. л.

15. Козаев Н.Ш. Вопросы ответственности за противоправное применение производственных технологий в уголовном законодательстве зарубежных стран // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 31–35. – 0,4 п. л.

16. Козаев Н.Ш. Основные подходы к обеспечению информационной безопасности в уголовном законодательстве зарубежных стран // Вестник российской правовой академии. – 2013. – № 2. – С. 50–54. – 0,4 п. л.

17. Козаев Н.Ш. Некоторые проблемы обеспечения экономической безопасности в условиях научно-технического прогресса уголовно-правовыми средствами // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 5. – С. 15–22. – 0,7 п. л.

18. Козаев Н.Ш. Современные информационные технологии как один из факторов развития уголовного права // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 87–92. – 0,4 п. л.

19. Козаев Н.Ш. Современные производственные технологии и концепция неосторожного сопричинения в уголовном праве // Российский следователь. – 2013. – № 16. – С. 33–38. – 0,3 п. л.

20. Козаев Н.Ш. Уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности в зарубежных странах // Закон и право. – 2013. – № 10. – С. 86–89. – 0,3 п. л.

21. Козаев Н.Ш. Реализация уголовно-правового воздействия за нарушения противоправного применения производственных технологий за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 87–92. – 0,4 п. л.

22. Козаев Н.Ш. Вопросы уголовно-правовой охраны жизни в свете современных достижений научно-технического прогресса // Медицинское право. – 2014. – № 2. – С. 49–52. – 0,3 п. л.

23. Козаев Н.Ш. Проблемы осуществления менеджмента в инновационной сфере уголовно-правовыми средствами // Право и образование. – 2014. – № 8. – С. 102–110. – 0,5 п. л.

24. Козаев Н.Ш. Проблемы обеспечения информационной безопасности уголовно-правовыми средствами // Вестник СевКавГТИ. – 2014. – № 16. – С. 162–165. – 0,4 п. л.

25. Козаев Н.Ш. Уголовная статистика как зеркало общественных отношений, обусловленных научно-техническим прогрессом // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 4. – С. 3–6. – 0,3 п. л.

26. Козаев Н.Ш. Изменения в уголовной политике в связи с проблемами обеспечения безопасности Интернет-пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 48–50. – 0,4 п. л.

27. Козаев Н.Ш. Уголовно-правовые средства минимизации злоупотреблений в сфере витальных технологий // Российский следователь. – 2015. – № 7. – С. 33–37. – 0,47 п. л.

28. Козаев Н.Ш. Изменения в уголовной политике в связи с развитием производственных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 3. – С. 48–52. – 0,45 п. л.

29. Козаев Н.Ш. Изменения уголовной политики в сфере противодействия злоупотреблениям на фармацевтическом рынке // Российский следователь. – 2015. – № 24. – С. 26–29. – 0,4 п. л.

30. Козаев Н.Ш. Роль международно-правовых источников в сфере защиты природной среды от техногенных факторов в развитии уголовного права России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3(41). – С. 58–60. – 0,4 п. л.

31. Козаев Н.Ш. Некоторые вопросы противодействие преступности, использующей достижения научно-технического прогресса // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – № 4(23). – С. 102–104. – 0,3 п. л.

32. Козаев Н.Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. Т. 17. – 2016. – № 1. – С. 96–101. – 0,5 п. л.

33. Козаев Н.Ш. Несовершенство законодательной техники как негативный фактор развития уголовного законодательства в условиях научно-технического прогресса // Вестник СевКавГТИ. – 2016. – № 1(24). – С. 82–85. – 0,32 п. л.

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

34. Козаев Н.Ш. К вопросу о социальной и уголовно-правовой оценке эвтаназии // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов X Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: НГТУ, 2012. – С. 156–162. – 0,3 п. л.

35. Козаев Н.Ш. Отражение структуры и функций современных технологий в уголовном законодательстве // Модернизация России и обеспечение криминологической безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.И. Алексеева (Ставрополь, 24–25 апреля 2012 г.). – Ставрополь: КрУ МВД России, 2012. – С. 184–192. – 0,3 п. л.

36. Козаев Н.Ш. Влияние развития производственных технологий на эволюцию уголовного права в дореволюционный и советский период // Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты: материалы XIV межвузовской научно-практической конференции (26–27 апреля 2012 г.) // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2012. – № 38. – С. 82–93. – 0,5 п. л.

37. Козаев Н.Ш. Современные витальные технологии и уголовное право зарубежных стран // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2012. – № 39. – С. 74–86. – 0,6 п. л.

38. Козаев Н.Ш. Уголовно-правовые проблемы, порождаемые развитием производственных технологий // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции: материалы VI Международной научно-практической конференции. Ч. I (30 октября 2012 г.). – М.: Международный центр науки и образования, 2012. – С. 89–96. – 0,3 п. л.

39. Козаев Н.Ш. Уголовно-правовые запреты, обусловленные развитием социально-экономических и социально-нравственных технологий в зарубежном законодательстве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24–25 января 2013 г.). – М.: Проспект, 2013. – С. 359–362. – 0,2 п. л.

40. Козаев Н.Ш. Современные информационные технологии и проблемы уголовного права // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: сборник материалов круглого стола, посвященного 10-летию образования филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Кавказскому федеральному округу (Ставрополь, 28 июня 2013 г.). – Ставрополь: АРГУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2013. – С. 104–114. – 0,4 п. л.

41. Козаев Н.Ш. К вопросу об обеспечении транспортной безопасности уголовно-правовыми средствами // Транспортное право. – 2014. – № 4. – С. 20–23. – 0,3 п. л.

42. Козаев Н.Ш. Обоснованный риск и крайняя необходимость в условиях научно-технического прогресса // Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты: материалы XVI межвузовской научно-практической конференции (29–30 апреля 2014 г.) // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2014. – № 43. – С. 173–183. – 0,6 п. л.

43. Козаев Н.Ш. К вопросу о предпосылках введения уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления // Право и практика. – 2014. – № 3. – С. 59–65. – 0,37 п. л.

44. Козаев Н.Ш. К вопросу об ответственности за экологический терроризм // Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России: идеологические, социокультурные и правоприменительные аспекты противодействия: материалы XVIII Международной научно-практической конференции (23–24 мая 2014 г.). Т. 2. – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – С. 266–271. – 0,3 п. л.

45. Козаев Н.Ш. Роль уголовного права в обеспечении техногенной безопасности // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Международной научно-практической конференции (3 октября 2014 г.): в 3 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: КрУ МВД России, 2014. – Т. II. – С. 267–273. – 0,3 п. л.

46. Козаев Н.Ш. О роли уголовного права в связи с развитием новых технологий в медицине // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов II научно-практической конференции Российского государственного университета правосудия (22 октября 2014 г.) / под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2015. – С. 132–137. – 0,2 п. л.

47. Козаев Н.Ш. Перспективы применения конфискации за преступления, обусловленные научно-техническим прогрессом // Тенденции развития современной юриспруденции: материалы V Международной научно-практической конференции. – СПб.: Фонд развития юридической науки, 2015. – С. 19–22. – 0,2 п. л.

48. Козаев Н.Ш. Современные социальные технологии и экстремизм // «Безопасность Северо-Кавказского региона: прошлое, настоящее, будущее»: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (13–14 февраля 2015 г.). – Пятигорск: ИнЭУ, 2015. – С. 132–135. – 0,3 п. л.

49. Козаев Н.Ш. «Электронные» и «пластиковые» деньги и преступность // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: материалы Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 109–112. – 0,34 п. л.

50. Козаев Н.Ш. Современные биотехнологии в международном праве и перспективы развития уголовного права России // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (22 мая 2015 г.). – Краснодар: Юг, 2016. – С. 261–268. – 0,26 п. л.

51. Козаев Н.Ш. Криминологические предпосылки изменений уголовной политики в связи с прогрессом науки и техники // Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты: материалы XVII межвузовской научно-практической конференции (29–30 апреля 2015 г.) // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2015. – № 45. – С. 284–292. – 0,4 п. л.

52. Козаев Н.Ш. Развитие отечественной уголовной политики в условиях обострения противоречий научно-технического прогресса // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции (25 сентября 2015 г.): в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – Т. II. – С. 98–104. – 0,42 п. л.

53. Козаев Н.Ш. Влияние результатов научно-технического прогресса на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение: материалы Международной научно-практической конференции (Геленджик, 2–3 октября 2015 г.). – Краснодар: Просвещение-Юг, 2015. – С. 237–243. – 0,38 п. л.

54. Козаев Н.Ш. Информационные технологии и вопросы дальнейшего совершенствования уголовного закона России в части про-

тиводействия терроризму и экстремизму // Государство и религия в XXI веке: модели и перспективы взаимодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Владикавказ, 17–20 декабря 2015 г.) / под общ. ред. Н.Ю. Туаевой. – Владикавказ: Владикавказский институт управления, 2015. – С. 5–101. – 0,3 п. л.

55. Козаев Н.Ш. Некоторые криминологические предпосылки изменений в отечественной уголовной политике в условиях научного прогресса // Новая наука: опыт, традиции, инновации: материалы Международной научно-практической конференции (Стерлитамак, 24 декабря 2015 г.): в 2 ч. Ч. 2. – Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. – С. 228–231. – 0,25 п. л.

56. Козаев Н.Ш. Некоторые тенденции в уголовной политике по обеспечению транспортной безопасности // Наука, образование и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции (Челябинск, 28 декабря 2015 г.): в 5 ч. Ч. 5. – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 122–125. – 0,2 п. л.

57. Козаев Н.Ш. К вопросу о «менеджменте» в сфере противодействия современной преступности // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2015. – № 46. – С. 3–10. – 0,5 п. л.

58. Козаев Н.Ш. К вопросу о формах противодействия преступности, использующей достижения научно-технического прогресса // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы Международной научно-практической конференции (Калининград, 18 декабря 2015 г.). – Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2016. – С. 61–63. – 0,25 п. л.

59. Козаев Н.Ш. Преступность и современные информационные технологии: некоторые вопросы имплементации и рецепции международных норм отечественным уголовным правом // Конституция и конституционная законность: материалы IX Международной научно-практической конференции (24 декабря 2015 г.) / под ред. А.М. Цалиева; Конституционный Суд Республики Северная Осетия–Алания, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет). – Владикавказ: СКГМИ (ГТУ), 2016. – С. 121–126. – 0,3 п. л.

60. Козаев Н.Ш. К вопросу о назначении принудительных работ виновным за преступления, связанные с применением достижений науки и техники // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы Международной научно-практической конференции. № 3. – Екатеринбург, 2016. – С. 117–119. – 0,2 п. л.

61. Козаев Н.Ш. Современные биотехнологии в международном праве и перспективы развития уголовного права России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции (Москва, 28–29 января 2016 г.). – М.: Проспект, 2016. – С. 570–573. – 0,23 п. л.

62. Козаев Н.Ш. К вопросу о противодействии преступности в сфере информационных технологий // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2016. – № 47. – С. 18–28. – 0,5 п. л.

63. Козаев Н.Ш. Некоторые проблемы противодействия преступности, использующей достижения научно-технического прогресса в сфере коммуникаций // Экономика, социология и право. – 2016. – № 2. – С. 127–129. – 0,25 п. л.

64. Козаев Н.Ш. К вопросу о противодействии преступности, использующей достижения научно-технического прогресса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3. – С. 53–56. – 0,4 п. л.

65. Козаев Н.Ш. Некоторые вопросы имплементации международных норм, направленных на противодействие терроризму и экстремизму уголовным законом России // Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права (Москва, МГУ, 26–27 мая 2016 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 511–516. – 0,2 п. л.

66. Козаев Н.Ш. Некоторые предпосылки изменений в отечественной уголовной политике в связи с применением информационных технологий // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии: материалы XI ежегодного межвузовского круглого стола, посвященного Дню российской науки (Ставрополь, 19 февраля 2016 г.). – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, Сервисшкола, 2016. – С. 66–70. – 0,25 п. л.

67. Козаев Н.Ш. Влияние международных норм в сфере применения современных биотехнологий на отечественное уголовное право // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы III Всероссийской научно-практической конференции памяти Заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора А.Н. Соколова (Калининград, 20 мая 2016 г.). – Калининградский филиала СПбУ МВД России, 2016. – С. 88–91. – 0,2 п. л.

Подписано в печать 27.10.2016 Печ. л. 2,4
Тираж 120 экз. Заказ 572.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128